

Алексей РЯБИЧИН

КАЗАКИ В КОСМОСЕ

АТАМАН АЛЬТАИРА

М И Р
ФЭНТЕЗИ

Кзаки в космосе

Алексей Ракитин
Атаман Альтаира

2007

Ракитин А.

Атаман Альтаира / А. Ракитин — 2007 — (КазакИ в космосе)

Далекое будущее. Сквозь галактическое пространство несется «Фунт изюма» – космический корабль дерзкого и отважного Петра Разорвирубахи (он же Иван Обьедалов, он же Пафнутий Чемодуров). Разорвирубаха вынужден скрываться от всевозможных спецслужб Цивилизационной Лиги: лихо и с песнями он чуть не уничтожил целую планету. Его путь лежит на Планету Дураков – самое дикое и страшное место во всей Галактике, где процветает работоторговля и где все решает сила... Герою предстоит спасти из плена загадочную девушку, сразиться с жестоким противником и пережить множество приключений, путешествуя по далеким и неизведанным мирам. Ведь он – куренной атаман из шарового скопления Донская Степь, и для него нет ничего невозможного!

Содержание

1.	5
2.	11
3.	24
4.	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Алексей Ракитин Атаман Альтаира

1.

Был уже час ночи, а я еще ничего не сделал для того, чтобы обессмертить свое имя.

Передо мной на столе, рядом с тарелкой чмыхадорских анчоусов, лежал мультиплексорный телефон, вещь совершенно незаменимая для любого циклоидного шизофреника, бандита или биржевого брокера, коим я в настоящее время и являлся. Пользуясь мультиплексорным телефоном, я мог совершить много разных подвигов и даже позвонить на соседнюю планету, чего, правда, делать вовсе не собирался. По крайней мере, в этой бесславной жизни. Бегущая строка на дисплее телефона транслировала в режиме реального времени ленту новостей и я, поедая анчоусы, внимательно следил за ней. Все коллизии моего дальнейшего бытия напрямую были связаны с этими самыми новостями.

Буковки складывались в слова, гимном звучавшие в моем мозгу: «Прокурор планетарного сообщества Генри О'Кук прибыл в штаб-квартиру «Сто первого независимого депозитария», чтобы лично присутствовать на проводимой прокуратурой выемке физических носителей информации...» Хе, нравится мне наш прокурор! За те шесть месяцев, что я стоически изображал гражданина Голубого Пепедука, он успешно снискал мое искреннее расположение своей пленительной простотой, прямотушеством и умением попадать в передраги, из которых не мог найти выхода. Скажу даже больше: одну из таких прескверных передраг для него организовал как раз я. Правда, господин планетарный прокурор никогда об этом не узнает.

Пока Генри О'Кук знакомился с результатами выемки физических носителей, я успел опрокинуть в горло пару рюмок «укуса саламандры». Пусть все посетители ресторана видят, как Пепеданг Чивалдоси, глава «Сто первого независимого депозитария», методично напивается!

Я жевал пряные опилки пыхадорского дерева, сдабривал их штофом «потной гориллы», рискуя заработать тяжелую изжогу с икотой и мучительной аллергией. Прошло десять минут, потом еще столько же. Время утекало, как ртуть сквозь пальцы беспомощного мальчика-имбецила, а я по-прежнему ничего не предпринимал для того, чтобы обессмертить свое имя.

В двадцать минут второго бегущая строка подарила мне очередную весточку от господина планетарного прокурора: «Прокурор планетарного сообщества сообщил собравшимся журналистам об аресте Реестра Сделок, ведение которого было поручено «Сто первому независимому депозитарию». Это делает невозможным проведение очередных торгов на отечественной площадке Космической Биржи, что автоматически приведет к срыву исполнения обязательств теми из их участников, кто был зарегистрирован в отечественной экономической зоне».

Я рывком поднялся:

– Счет!

Стул жалобно пропищал по хризолитовому полу. Очень хорошо! Вот так – сухо, официально, под писк стула – я войду в историю несчастной, обворованной мною до нитки, планеты Голубой Пепедук. В памяти окружающих именно таким я навеки и останусь – взволнованным и торопливым.

Признаюсь, до сих пор не знаю, что же означает слово «пепедук». Моя интуиция (которая обычно не подводит) подсказывает, что в переводе на русский язык подобное буквосочетание ничего хорошего означать не может. Как бы там ни было, моя жизнь в поистине чудесном уголке галактики Аль-Дагор под светом нормальной желтой звезды Капибара сейчас подходила

к концу. Все хорошее имеет свойство заканчиваться при появлении планетарного прокурора – такова непознанная до сих пор диалектика разумной жизни на просторах Вселенной. Если угодно, сказанное выше можете считать законом возрастания энтропии.

Покинул я ресторан с лицом хмурым и озабоченным – надеюсь, это тоже не укрылось от внимания окружающих. Машину я тронул с места в спешке и с видимым волнением, едва не скovyрнув автоматические ворота. Отъехав от ресторана на половину пепедукского километра, остановился.

Пора подвести итог славной жизни Пепеданга Чивалдоси – очередной ипостаси себя самого. Как ни жаль расставаться с моим драгоценным «тандербердом» (атомный двигатель и золотые рога вместо бампера), но им все же следовало пожертвовать. Привязанность к вещам унижает мужчину даже больше, чем привязанность к женщинам, а потому гибель машины должна послужить истинным и впечатляющим украшением жизненного финала Чивалдоси.

Из аптечки я извлек комплект для сбора крови. Используя лавенсбрю – пепедукский аналог обычного земного галстука – перетянул правую руку и подождал, пока вздуются вены. Забор крови у самого себя – процедура малоприятная, но все ее неудобства лежат сугубо в области человеческой психологии. Если объективно, физические страдания она причиняет минимальные. За минуту я нацедил граммов сто собственной крови, которую тут же бодренько разбрызгал по всему салону. Еще минута потребовалось на отключение программы логической блокировки бортового компьютера.

Приказ, который я отдал после этого, был столь преступно незамысловат, что ни один исправный автомобильный компьютер никогда бы не принял его к исполнению:

– Скорость двести! Движение вперед прямолинейное и безостановочное! Сигналы-ограничители на пути – игнорировать!

Напоследок я посмотрел на бегущую строку ленты новостей.

Исполнительный директор «Сто первого независимого депозитария», мой деловой компаньон, велеречиво рассказывал журналистам о грядущем экономическом кризисе, который будет спровоцирован остановкой торгов на пепедукской площадке Космической Биржи. Он пророчил крупномасштабные потрясения, череду банкротств и системный кризис местной экономики.

Следует признать, этот отчаянный лгун и пройдоха теперь не лгал. И даже не преувеличивал! Просто он повторял все те экономические аксиомы, которые частенько слышал от меня самого.

Выйдя из машины, я забросил внутрь салона мультимедийный телефон и приказал бортовому компьютеру:

– Полученный приказ исполнить!

Разгоняясь до двухсот пепедукских километров в один пепедукский час, машина рванулась с места – прямолинейно, как и было приказано. Преодолев пустую ленту шоссе, «тандерберд» протаранил своими золотыми рогами прозрачное ограждение. Нос автомобиля резко клюнул, на секунду стало видно днище – и тут же она исчезла из поля моего зрения. Достойным украшением устроенного мною феерического зрелища явилось проломленное ограждение шоссе: на столбиках замигали тревожные красные огоньки, а скрытые динамики принялись натужно реветь. Тоже мне, предупреждение о воздушном нападении!

Голубой Пепедук – планета молодая, тектонические процессы в ее коре покуда очень активны, и горные вершины в пятнадцать километров высотой явление тут рядовое. Прибрежные районы обоих экваториальных континентов, где проживает девять десятых населения этого прибежища непуганых идиотов, обрываются в океан скалами высотой более километра. Они-то и придают чрезвычайную живописность местным ландшафтам. С такой прибрежной скалы и сверзился мой любимый «тандерберд»...

Когда спасательные службы вытащат наверх останки того, что являлось красавцем с золотыми рогами, выяснится, что сие чудо принадлежало Пепедангу Чивалдоси. Тело владельца, разумеется, не найдут, но микроследы крови в салоне не оставят ни малейших сомнений в том, что Чивалдоси находился в салоне автомашины при ее падении. Посетители и работники ресторана «Замок над морем» расскажут о том, как за полчаса до гибели господин Чивалдоси ужинал в одиночестве и без всякого аппетита: он (в смысле, я!) даже не доел чмыхадорских анчоусов, лишь только неумеренно потреблял спиртное да жевал опилки. А когда полиция выяснит, что Пепеданг Чивалдоси являлся учредителем «Сто первого независимого депозитария», «Компании доверительного планетарного трейдинга» и еще трех дюжин им подобных заведений, то поведение погибшего (мое то есть) получит правдоподобное объяснение: страх судебного преследования толкнул причастного к биржевым махинациям Чивалдоси на самоубийство. Быть может, кто-то даже пособолезнует мне. Это будет по-настоящему смешно! Когда станут ясны масштабы мошенничеств на торгах Космической Биржи, когда сотни разъяренных брокеров и дилеров начнут бомбить исковыми заявлениями суды по месту регистрации торговой площадки... хе-хе, какой страшный зубовой скрежет вызовет у местных жителей фамилия господина Чивалдоси!

Из-за солидной высоты над уровнем моря в пролом ограждения автострады задувал сильный ветер. Я закутался в свою засупонку (это такая пепедукская куртка с воротником шали и рукавами от кимоно), поглубже натянул на уши нахлобучку (местная разновидность шапки-непроливайки) и отправился вдоль шоссе прочь от ресторана.

Примерно в двухстах метрах от места падения в океан машины покойного господина Чивалдоси меня должен был поджидать совсем другой автомобиль – малобюджетный электрокар повышенной безопасности, зарегистрированный на имя Влади Чпикагурика.

Электрокар оказался там, где и должен был быть, а если точнее – в том самом месте, где я оставил его сутки назад. Небольшой прозрачный «гомункулус», скромный и незаметный, пригнулся в тормозном «кармане» рядом со скоростным шоссе. Электрокар, как давно уже доказали психологи, – автомашина истериков, шизофреников, импотентов и инвалидов детства. Одним словом, этот транспорт как нельзя лучше соответствовал типу Влада Чпикагурика.

К тому моменту, когда я приблизился к жалкому «гомункулусу», на моем лице появилась седенькая бородка клинышком и рыжие педерастические бачки. Контактные линзы изменили цвет радужной оболочки глаз и увеличили зрачок, придав взгляду интимную блажь тихого идиота. Во всем надлежит соответствовать удостоверению личности, в котором особые приметы господина Чпикагурика характеризовались как «дискрето аморфо потенциале кретино дисарджемента», что в переводе с пепедукского диалекта означало что-то вроде: «не трогайте его – он слепо-немо-тупо-глухой». Иными словами, типичный звездный турист, кто ж их не знает?

Поскольку парню с записью в удостоверении личности «дискрето аморфо...» полагался поводырь, на переднем сидении автомашины меня дожидался похожий на большую тарелку робот сопровождения.

Я уселся в «гомункулус», робот издал хорошо узнаваемую трель активации, весьма напоминавшую звук сливаемой в унитазе воды, после чего поприветствовал нежным женским контральто:

– Здравствуйте, господин Влади!

– Ага, – простонал я в ответ.

Полагаю, робот сопровождения несказанно бы удивился, заговори я с ним по-человечески. Я решил его не удивлять и просто рыгнул (опилки пыхадорского дерева, однако!). Тарелка поняла все правильно, искренне пожелала мне доброго здоровья. Что ж, в отличие от планетарного прокурора робот, по крайней мере, был адекватен.

Как я уже упоминал, электромобиль стоял в тормозном «кармане», которыми обязательно оборудуются горные дороги Голубого Пепедука. Когда я выезжал на трассу, мимо меня с ликующим воем промчалась пара оранжевых спасательных вехоциклов – не иначе, как местные аварийщики метнулись на осмотр поврежденного ограждения.

Время шло. Впереди меня ждала масса дел, не то чтобы приятных, но совершенно необходимых. Все четные из них являлись великими, а нечетные по меньшей мере грандиозными.

Путь до Пертонсвилля я проделал абсолютно спокойно. Попавшаяся навстречу колонна спасательной техники меня несколько не встревожила, а проплывший над дорогой громадный оранжевый дирижабль с мощной лебедкой под днищем (тоже спасательная служба!) даже развеселил.

В Пертонсвилле я оставил «гомункулус» в подземном паркинге у вокзала трансконтинентальной монорельсовой дороги и оплатил парковку на год вперед. Сцепленный с роботом сопровождения легкомысленной цепочкой из невесомого селенитного сталинита я прошествовал в подземный вестибюль вокзала.

Робот-поводырь трендел на все помещение заунывной сигнализацией, я пускал по борде слюни, а люди вокруг сноровисто расступались при нашем приближении. На перрон мы вышли буквально за пару минут до появления поезда. Как я и рассчитывал, наше появление не осталось незамеченным зеваками. Дабы лучше запечатлеть в их памяти исторический выход Влади Чпикагурика на перрон пертонсвилльского вокзала, я расстегнул засупонку – хочу помочиться. Робот тут же призвал меня к порядку и даже немного поискрил электрическими разрядами, что вызвало всеобщий восторг. Я сделал одолжение и мочиться не стал, но когда на табло появился красный знак «!», означавший прибытие скоростного состава, я немного попрыгал на ножке и от души покричал «Ы-ы!» Что вы хотите – турист с «дискрето аморфо потенциале...» – это всегда нескучно!

Развлекаясь таким премилым и безобидным манером, я дождался остановки состава и живо погрузился в вагон. Поскольку в поездке, согласно моему сценарию, вовсе не было нужды мочиться, прыгать на одной ножке и кричать «Ы-ы», а можно было спокойно уснуть, я именно так и поступил. Робот-поводырь, ревностно охраняя мой покой, периодически облетал со всех сторон мое кресло, обдавая лицо струей воздуха. По большому счету, это было просто замечательно.

За четыре часа монорельсовой дороги я пересек континент. Конечной остановкой монорельса являлся космодром «Нуэва-сеговия»; название можно перевести как «новая пальма».

В самом бодром расположении духа я и мой тарелкообразный робот покинули поезд. На выходе из вагона я еще немного попрыгал и покричал – так, сугубо в целях поддержания должного градуса кретинизма.

Поводырь сноровисто вел меня через толпу. Мы направлялись в зону базирования частных космических кораблей. Робот подавал трендящие сигналы. Я пускал пену изо рта и наступал на ноги всем, кто не успевал убраться с пути. Пару раз дорогу нам пытались заступить полицейские, уж не знаю и зачем! Я не отказал себе в удовольствии рыгнуть и пукнуть одновременно. Это здорово помогло – до нужного места я со своим поводырем добрался меньше чем за четверть часа. Кто представляет себе масштабы космодрома «Нуэва-сеговия» на Голубом Пепедуке, тот поймет, что это значит.

Документарный контроль много времени не занял. Стоило мне поплевать на стойку бюро и размазать слюну пальцем (робот-поводырь немедля оповестил окружающих о том, что у меня «плевральная эцилохидехия в открытой форме»), как ресепшионист в форменной рубашке моментально потерял ко мне всякий интерес, вернул удостоверение личности и разрешил проход в зону старта.

На автокаре я проехал вдоль длинного ряда космических кораблей. Все они – и аккуратные околопланетные яхты, и мощные межзвездные челноки – с интервалом в двести метров

стояли в бесконечной, исчезающей за горизонтом шеренге. Их разнокалиберные носы пиками торчали во всегда безоблачное небо космодрома.

«Фунт изюма», заблаговременно оформленный на фамилию легендарного (потому как никому не известного) Влади Чпикагурика, располагался почти в самом конце корабельного ряда. Вкатившись по опущенному пандусу на площадку грузового лифта, я вылез из автокара и отправил его назад в космопорт.

Честно говоря, я испытывал сильное желание отправить туда же и своего робота-поводыря, но по здравому размышлению решил этого не делать. Да и цепочка, скреплявшая нас, не позволила бы мне немедленно избавиться от жужжавшей тарелки.

Дождавшись, когда грузовой лифт оказался втянут в корабль, а пандус поднят, я первым делом отстегнул от запястья селенито-сталинитовую цепь и лишь потом оторвал бородавку с бачками. С господином Чпикагуриком покончено – как я полагал в тот момент, навсегда! Очередная ипостась меня самого прикрыла мое же бегство с Голубого Пепедука и проделала сие отчасти даже весело: с плевками, прыжками и ковырянием в ушах. Ну а то, что прожил этот персонаж жизнь неприлично короткую – что ж, значит, так стояли звезды в гороскопе господина Чпикагурика...

Я переключил робота-поводыря в режим экономии энергии и забросил в шкаф для скафандров, после чего на рысях помчался в пост управления.

Усевшись в кресло командира, немедленно переключил управление корабля на себя. Это для того, чтобы Головной Компьютер знал, что исполнительные команды будут исходить отсюда, а не из запасного поста, расположенного тремя палубами ниже. В течение минуты шло сканирование и активация корабельных систем, после чего Головной Компьютер голосом мифического певца Витаса сообщил о готовности всех систем, узлов и агрегатов к взлету. Ха! Сказал бы он мне иное! Ведь еще и недели не прошло, как я с анонимного счета проплатил полную профилактику корабля.

– Взлетаем! – приказал я Головному Компьютеру с голосом Витаса.

Отсчитыватель начал было обратный отсчет, но тут же заглох. Голосом все того же мифического певца Головной Компьютер проплакал мне в уши:

– Диспетчерской службой космодрома запрещены взлеты частных кораблей...

Интересно, господин планетарный прокурор в самом деле думал, что застанет меня врасплох этой запоздавшей мерой?

– Включить трансляцию новостей, – распорядился я.

В планетарных новостях шли нескончаемые стенания по поводу остановки торгов на местной площадке Космической Биржи. Мое внимание привлекла информационная «молния», сообщавшая о гибели в результате несчастного случая Пепеданга Чивалдоси. Это сообщение вызвало массу комментариев, различавшихся лишь степенью наивности. Также сообщалось о попытке самоубийства Джеки Джулиани; бедолага, стало быть, понял, что с моим исчезновением ему светит прямая дорога в тюрьму, и полез в петлю. Джеки спасли. Положа руку на сердце, замечу, что этого можно было и не делать. Однако основной объем новостей представлял собою фейерверк потрясающих по своей демагогичной виртуозности заявлений должностных лиц разной величины. Все они гадали о масштабах ущерба, причиненного экономике Голубого Пепедука внезапным биржевым коллапсом. По моим собственным скромным подсчетам за последние три месяца я вывел с местной биржевой площадки сумму, эквивалентную двум годовым бюджетам Голубого Пепедука. В трюме «Фунта изюма» лежал контейнер с двумя миллиардами обналиченных УРОДов, а это лишь несколько процентов от средств, предусмотрительно рассыпанных мною по тысячам анонимных счетов во всех приличных банках Метагалактики.

Кстати, для тех, кто соображает медленно, либо не соображает вовсе, поясню: название денежной единицы «УРОД» вовсе не ругательная метафора. Это аббревиатура словосочетания

«Универсальный Расчетно-Облигационный Депозит», ибо «УРОДы» являются в основном электронными деньгами.

Ознакомившись с новостями, я без труда уяснил ход мысли господина планетарного прокурора. Он велел остановить все вылеты с планеты из опасения, что в обстановке неопределенности мыши разбегутся из незапертой мышеловки. Генри О'Кук здорово опоздал, поскольку главная мышь (то есть я), уже находилась в посту управления собственным космическим кораблем.

– Новости выключить! – приказал я Головному Компьютеру. – Команды диспетчерской службы космопорта – игнорировать! Взлет!

Заработали стартовые двигатели, мелкая вибрация прошла по корпусу. Шум двигателей перешел в рев, а вибрация – в дрожь. Кораблю уже пора было стронуться с места, но «Фунт изюма» стоял не шелохнувшись. Я понимал, чем это вызвано: башмаки всех четырех опор не разблокированы командой с диспетчерского пункта космопорта. Я на сей счет не очень-то беспокоился, поскольку знал, что стартовые двигатели имеют колоссальный запас мощности.

Корабль дрожал, двигатели ревели, я сидел истуканом в командирском кресле. Что ж! Признаюсь честно, это мне нравилось. И Пепеданг Чивалдоси, и Влади Чпикагурик оказались достойны славного прошлого Ивана Караваева. Не опозорили, так сказать, ум, честь и совесть, не замарали, с позволения выразиться, эполет, галунов и лампасов.

– Диспетчерская Служба космодрома «Нуэва-сеговия» приказывает командиру частного космического корабля «Фунт изюма» прервать протокол взлета, заглушить двигатели и немедленно явиться в Центральный Диспетчерский...

Чпоньк! Грохнуло что-то внизу (и громко!), мою яхту подбросил вверх мощный удар. Это опорные башмаки оказались оторваны с мясом. Двигатели к тому моменту уже развили мощность, намного превышавшую потребную для отрыва от поверхности Голубого Пепедука, и потому «Фунт изюма» был подброшен вверх – подобно камню из баллисты. Или из катапульты? Не помню, из чего там древние металы в злых людей камни...

На миг в глазах потемнело – перегрузка явно превысила допустимые 10g – и потому я невольно пропустил окончание выразительной тирады парня из диспетчерской службы. Когда же зрение и слух полностью восстановились, до меня донеслись его истерические вопли:

– Ваш взлет будет рассматриваться как несанкционированный!

Угу, меня это, конечно, могло сильно расстроить.

– Вы злобно нарушаете Атмосферный Кодекс нашего планетарного сообщества! – надрылся диспетчер. – Вами умышленно повреждено оборудование космодрома «Нуэва-сеговия»! Ваше поведение скандально и... и... и беспрецедентно! Вы хам и варвар! Вот!

«Фунт изюма» уже шел на скорости три километра в секунду и безудержно разогнался. Поверхность Пепедука осталась где-то далеко внизу; огромные планшетные мониторы в посту управления заполняла панорама чистого бирюзового океана (из-за него-то как раз Пепедук и был назван Голубым) и чернеющего космоса над головой.

Нет, господин диспетчер, Влади Чпикагурик (он же Иван Караваев, он же Иван Обьедалов, он же Петр Разорвирубаха, он же Пепеданг Чивалдоси – да кем я только не был!) вовсе не хам и уж точно не варвар. Если диспетчер решил, будто я умышленно повредил имущество космопорта и трусливо улетел, то он плохо знает жизнь и совсем не знает меня. Я просто до нитки разорил его дурацкую планету и немного повредил при старте космодром. Всего-то!

Я рассмеялся вполне беззлобно. Я имел на то все основания. Давно замечено, что хорошо смеется вовсе не тот, кто имеет белые зубы, а тот, кто умеет хорошо бегать.

2.

У меня есть мечта. Правда, в отличие от мечты Мартина Лютера Кинга, она никак не связана с межрасовым братанием. Я всегда мечтал иметь собственную планету.

Сейчас, когда Земная Цивилизационная Лига объединяет на правах ассоциированных членов, по меньшей мере, двенадцать тысяч планетарных сообществ, примерно еще столько же планет-колоний всячески избегают союза с праmaterью цивилизации. Делают они это всеми правдами и неправдами (преимущественно, конечно, неправдами). Понятно, почему внуки и правнуки Земли тягостятся объятиями постылой родины: собственно, ведь для того, чтобы избежать этих самых объятий, они и рванули в далекий космос.

Если в планетарном сообществе люди вынуждены жить сообща, создавая некие структуры власти и правовые инструменты регулирования отношений между собой, то единоличное владение планетой делает человека неограниченно свободным... Ну, или почти.

Покупая планету на Космической Бирже, человек получает в свое распоряжение целый мир. Он строит его сообразно своим представлениям о гармонии; ограничением служит лишь возможность оплаты задуманного. Десант строительных роботов-терраформеров способен не только возвести многокилометровые дворцы, но даже изменить планетарный рельеф, ландшафт и газовый состав атмосферы. Холодные планеты можно обогреть и осветить подвешенными на стационарных орбитах зеркалами, полярные шапки (где таковые есть) – растопить термоядерными реакторами, а плотность разреженной атмосферы – многократно повысить газовыми синтезаторами.

Кто-то относится к своей планете как к инструменту зарабатывания денег, и тогда над редкостными по красоте внеземными пейзажами поднимаются стеклянные стены отелей и казино для космических туристов, лоботрясов и плейбоев. Кто-то же просто ищет уединения, ставит на поверхность простейший жилой модуль и официально запрещает кому бы то ни было посадку.

Отшельники четвертого тысячелетия... Их совсем даже немало. Во всяком случае, люди уже раскупили более трех миллионов планет – это самый ходовой товар, и цена на него не падает.

Опорные башмаки, оторванные при старте с Голубого Пепедука, сами по себе были деталями маловажными. Но до тех лишь пор, пока не возникла необходимость посадки на неподготовленную площадку. Поскольку я планировал садиться не только на космодромах, но также в горах, пустынях, грязях, в районах оползней, селей и сейсмической активности, то для меня эти башмаки жизненно необходимы. Иначе как я буду горизонтировать корабль?

Пока «Фунт изюма» разгонялся до околосветовой скорости, у меня оставалось время подумать о направлении дальнейшего полета. И времени очень даже немало – пять часов!

Конечной моей целью являлась Донская Степь – огромное шаровое скопление из трехсот тысяч сравнительно молодых фиолетовых карликов. Это место было абсолютно свободно от влияния Цивилизационной Лиги. Исторически сложилось так, что Донскую Степь населяли герои под стать мне – беженцы из других миров. Их, то есть нас, именовали за глаза «казаками» или «донцами». Впрочем, в глаза нас называли точно также. Обитателей Донской Степи многочисленные полиции и спецслужбы Земной Цивилизационной Лиги считали самой устойчивой преступной группировкой за всю историю человечества и гнали отовсюду, где только могли отыскать. Мы, понятное дело, не гнались.

Выдачи из Донской Степи не существовало. При попытке каких-либо полицейских властей забраться внутрь скопления их встречал флот из десятка тысяч мелких частных кораблей, разумеется, вооруженных и, разумеется, очень злобных. При подаче сигнала общей тревоги этот флот возникал из ниоткуда и мог стереть в порошок кого угодно.

Звезды, образовавшие скопление Донская Степь, были очень молоды, и потому планетных систем там существовало сравнительно немного. Но мне посчастливилось приобрести – совершенно случайно и абсолютно анонимно! – замечательную планетку селенитного типа (без атмосферы, но с твердой корой), которую я, не раздумывая долго, назвал Компрадор.

У меня есть мечта (собственно, я с этого начал). Так вот, у меня есть мечта: я хочу жить на Компрадоре. И желаю заняться для этого кое-каким планетарным переустройством.

Однако лететь напрямик в Донскую Степь на моем месте крайне неосмотрительно. Служба Экономической Безопасности Земной Цивилизационной Лиги, вне всякого сомнения, пожелает получше узнать историю Влади Чпикагурика, легко и быстро разорившего замечательную планету Голубой Пепедук, одну из богатейших среди планет Внешнего Радиуса Золотого Кольца галактики Аль-Дагор. Оставить им координаты точки входа в подпространство и интерференционный след хронотипического двигателя на сверхсветовой скорости значило выдать спецслужбе мой маршрут. С таким же успехом я мог вовсе не покидать Голубой Пепедук, а позволить поймать себя прямо там.

Так что на Компрадор мне, конечно же, суждено будет отправиться, но только никак не через пять часов. Кроме того, оторваны опорные башмаки... Вот ими и следовало заняться покуда. Или? Вариантов несколько. Для нас, донских казаков, изгоев цивилизованного мира, это уже роскошь.

Можно отправиться на роботизированную планету Вошь – этакий межзвездный супер-маркет – и угнать оттуда новый корабль. То есть поступить по-мужски грубо, прямолинейно и цинично. Технология таких угонов отнюдь не столь сложна, как это кажется создателям и владельцам Воши. Этот вариант имел некоторые плюсы, но минусы мне показались весомее. Главный из них в том, что я лишался «Фунта изюма», построенного по эксклюзивному проекту, оттюнингованного и проапгрейденного, получал же взамен абсолютно стандартную лоханку, напроць лишенную тех милых моему сердцу изысков, что превращали корабль в разумного (и любимого) члена семьи.

На Вошь я решил не лететь. Кстати, Вошь, если кто еще не понял – это искусственная планета Джордж Вашингтон. Потомки белокожих американских братьев торгуют там новыми кораблями, а потомки чернокожих – ремонтируют и обслуживают старые. Не брезгают и ворованной техникой. Нормальный, по чернокожим понятиям, бизнес. Что ж, это мечта Мартина Лютера Кинга в своем наиболее выразительном воплощении.

Итак, помимо Воши у меня в запасе оставалось еще с полдюжины реальных адресов, куда можно обратиться для нужного мне ремонта. Если по порядку, то...

У меня хорошие знакомые на Дивклептосе... Скажем прямо, интимные. Изумительная планета Дивклептос не входит в число членов Земной Цивилизационной Лиги, из-за чего, между прочим, пережила две довольно напряженные войны. Хреновы демократы с Земли стирали Дивклептос термоядерными планетарными бомбардировками буквально «под ноль», да только ничего у них не вышло: планетка отстроилась и власть паршивцев так и не признала. На Дивклептосе разрешено клонирование людей, отдельных органов и животных; кроме того, там законодательно разрешены каннибализм и инцест. Люди там живут совершенно сумасшедшие, выросшие на синтетических наркотиках и раннем сексе.

Вам стало интересно? Тогда я продолжу...

На этой веселой планете, чья атмосфера уже бесповоротно загажена выбросами металлургических комбинатов, восстанавливающих редкоземельные металлы из космического мусора и астероидов, я имел довольно близкое знакомство с Кэти Кузи. Ха-ха, если вы уже постарелись, то можете тогда понять мои чувства. Я не просто был близко знаком с этой бандиткой – я ее обворовал. Да-да, украл шестьдесят килограммов платинированного золота. Тогда для меня это были чрезвычайно большие деньги. Конечно, уместно спросить, как же это

я умудрился? Да очень просто: взвалил на плечо и унес. Унес бы и сто двадцать, и даже сто восемьдесят, да только у Кэти было всего шестьдесят.

М-да... Я любил Кэти, и она была готова полюбить меня. Теперь, полагаю, она мечтает распилить мое брненное тело плазменным резаком без анестезии. А мой пенис, полагаю, она готова распилить дважды. Или трижды. Впрочем, я слишком хорошо о ней думаю. Скорее всего, для меня у нее припасено что-нибудь похуже плазменного резака. Поэтому, при всем моем искреннем интересе к планете Дивклептос, я никак не мог туда лететь.

Так что же там далее по списку? Мне всегда рады на Зухрияре. А уж как мне рады на анархичном Эрципode!

Когда-то, помнится, я пригрозил депутату зухриярского парламента преждевременной смертью. Этот дурачок рассмеялся – и умер через двадцать восемь зухриярских суток. Заметьте, это случилось безо всякой связи с моими словами. Я тогда вообще сидел в тюрьме на Нероне, так что был, можно сказать, не при делах. Однако, знаете ли, осадок остался. Сынок депутата сказал, что распилит меня плазменным резаком, а пенис мой распилит дважды (смотрите выше)... В общем, наговорил разных глупостей.

Эрципод – очень хорошая планета. Кроме шуток, мне там нравится. Кто летал по Вселенной, тот меня поймет... Да только у Эрципода договор с Зухрияром о взаимной выдаче преступников. Воистину, встретились дураплисы, договорились танцевать... Я не преступник, но договор-то никто ради меня не отменит. Даже за два миллиарда УРОДов. Да и жалко платить два миллиарда за посадочные башмаки. Я не сквалыга, но просто жалко!

Стало быть, ни на Зухрияр, ни на Эрципод...

Что же остается? Кишащий бандитами Тунис и радиоактивный Нерон? Хорошие самодостаточные планеты с мощными индустриальными базами и – главное! – не члены Земной Цивилизационной Лиги! Там мне запросто поставят новые башмаки и не спросят, где же я потерял старые. Но когда идущая по моему следу Служба Экономической Безопасности начнет наводить справки, никто меня там не покроет. Просто потому, что никто не захочет из-за обычного «донца» (или необычного, что даже хуже) ссориться с могущественными бойцами невидимого фронта.

Что ж, получается, я не лечу ни на Дивклептос, ни на Зухрияр, ни на Тунис...

Когда пришло время давать целеуказание Навигатору, я уверенно ткнул пальцем в противоположную оконечность галактики Аль-Дагор. Там, на самом кончике спирали, среди редких старых остывших красных звезд двигался по хаотической траектории Авиценна, громадная искусственная планета, более известная как Корабль дураков. Название сие надлежит понимать буквально: три столетия назад планету эту собрали в межзвездном космосе именно с целью отселить туда бионегативный контингент цивилизованного сообщества. Отселить-то отселили – тысяч шестьдесят поэтов, гениев, харизматических лидеров, революционеров, копрофилов и прочих олигофренов там, говорят, накопилось. Но через десяток-другой условных земных лет какие-то конспирологи-революционеры сумели провести в среде истериков и шизофреников организационную работу и заварили нехилый бунт. Короче, тамошние герои упразднили охрану, обслугу и начальство. Не знаю даже, просто убили или все же съели, но власть в дурдоме оказалась в руках самих же сумасшедших. И вот тут-то, надо думать, началась потеха.

Теперь Корабль дураков известен во всех концах обитаемой Вселенной как место самого радикального релакса и экстремального отдыха. Там можно купить женщину, ребенка или мужчину для сексуальных надругательств, в пищу или для разборки на органы. Область современной медицины, именуемая «компонентным модифицированием тела», ныне запрещена в большинстве обитаемых и более-менее цивилизованных миров. Однако продолжает оставаться чрезвычайно популярным среди, так сказать, индивидуальных пользователей. «Распилить» человека на органы много проще, дешевле и быстрее, нежели клонировать себя самого,

поэтому толстосумы и негодяи со всех концов обитаемого мира валом валят на Корабль дураков.

Я там бывал и, возможно, кто-то из тамошних обитателей меня даже помнит. Это мне могло пойти на пользу – я был уверен, что спецслужбы цивилизаторов не осмелятся залезть в такой гадюшник. Что ж, значит, мне туда дорога!..

Послушный команде Навигатора хронотипический двигатель выбросил «Фунт изюма» всего в ста пятидесяти миллионах километров от красного гиганта Уцуропед С-112. Это был тихий, безрадостный, пустой мир. В ходе своей эволюции раздувшийся красный гигант поглотил собственную же планетную систему, оставшись в гордом одиночестве на расстоянии в добрых три десятка парсек во все стороны. О существовании планетной системы вокруг Уцуропеда С-112 напоминал лишь реденький пояс астероидов, имевший громадный эксцентриситет, из-за чего подлетающие к звезде слишком близко обломки самой дальней планеты, разрушенной приливными силами с десятков миллионов лет назад, с завидной регулярностью врезались в фотосферу красного гиганта.

Именно здесь и висел Корабль дураков. Впрочем, висел – слишком почтительно сказано. Он хаотично вращался, ибо его система ориентации уже давным-давно не функционировала. Это создавало известные сложности для причаливавших кораблей, самих же обитателей сумасшедшего дома данное обстоятельство волновало мало. Если быть совсем точным, они просто не подозревали об оном.

Человеку с буйной фантазией, чтобы представить себе Корабль дураков, надлежит сначала вообразить дырку от бублика, а вокруг нее – сам бублик. Человеку же, лишенному дара пространственного моделирования, достаточно вообразить один только бублик – именно такова форма космического дурдома. Сделанный из пенобетона тор диаметром полтора километра делился на бесчисленное количество секций и отсеков. В каждом из них главенствовал местный бандит, самый сильный и наглый придурок, насилувавший, убивавший и поедавший проживавших на его территории немощных идиотов, кретинов, олигофренов и просто несчастных людей. Над рядовыми бандитами главенствовали подонки посильнее – они носили почетные прозвища *капо да тутти капо* и *капо капитале*. Влиятельность этих ублюдков объяснялась не только их физической силой, но и тем, что каждый из них контролировал в своем секторе какой-либо важный ресурс – воду, воздух, электроэнергию. На особом положении находились *капо капитале*, управлявшие каким-либо причальным терминалом станции. Всего на Корабле дураков таких терминалов существовало четыре, располагались они диаметрально противоположно. К каждому могли швартоваться до трех кораблей одновременно. Нетрудно догадаться, что владевшие терминалами бандиты фактически держали в своих руках все связи с внешним миром.

В течение пяти часов, неуклонно сбрасывая субсветовую скорость, я подводил «Фунт изюма» к терминалу с литерой «С». Мне уже не раз доводилось бывать на станции, и хозяина этого терминала я знал достаточно хорошо. Он всегда просил называть его Юпсом и, будучи осведомленным о моих русских корнях, утверждал, будто Юпс – аббревиатура от «Юрий Петрович Савельев». Признаюсь, я не очень-то верил в принадлежность Юпса к русской нации потому, что тот, во-первых, не был православным, а во-вторых, являлся негром.

Пока я причаливал, от Корабля дураков одна за другой отвалили две громадные посуды. Судя по изошренной конструкции и длинным прозрачным галереям, это были трансгалактические яхты. Однако отсутствие огней, даже габаритных, а также глухое молчание систем автоматического опознавания наводило на мысль, что обе красавицы-яхты принадлежали пиратам. Последних в этом секторе галактики Аль-Дагор хватало всегда.

Причалил я, как и положено донскому казаку, резво и жестко, боднув шток тормозного буфера на скорости, заметно превышавшей допустимую. Даже испугался, не сломал ли

часом причальный тормоз. Испуг, впрочем, быстро прошел; оказалось, что тормоз был сломан задолго до меня, лет эдак за сто пятьдесят.

Перед выходом из корабля я некоторое время потратил на соответствующий визиту туалет. На Корабле дураков приезжих жаловали и почти не обижали – всем местным дураплисам было ясно, что залетные гости являются стеновым хребтом местной экономики. Тем не менее, никогда не следовало исключать возможность случайных эксцессов. По личному опыту, когда существует возможность развития событий в негативном направлении, такая возможность обязательно реализуется. Даже когда такой возможности нет, все равно события имеют тенденцию к развитию с наихудшим вектором. Данный постулат можно считать законом равномерного распределения вероятности.

Я облачился в селенитовое сари – чрезвычайно прочное на разрыв. Лучшей защиты от колюще-режущего оружия во всей Вселенной просто не существовало. В широких рукавах сари я спрятал термокинетический пистолет и фризер. Первый выстреливал низкоскоростной пулей, разогревавшейся в полете до полутора тысяч градусов по Кельвину; второй – поражал цель струей летучей жидкости, которая, попадая на любую поверхность, мгновенно испарялась, приводя к стремительному охлаждению объекта. Скорость охлаждения – шестьсот градусов в секунду. Керамические доспехи после использования фризера трещали и рассыпались на куски, а любая органика мертвела моментально и безвозвратно. Оба вида оружия идеально подходили для применения в ограниченном пространстве космической станции, где использование огнестрельного или лучевого оружия с высокими кинетическими и энергетическими характеристиками просто невозможно.

Оба пистолета я укрепил на предплечьях, скрыв под широкими рукавами сари. На голову набросил капюшон из металлизированной ткани с поддувом изнутри. При ударе по голове ледорубом, кайлом или бутылкой капюшон мгновенно раздувался, превращаясь в своеобразную подушку, гасившую удар.

Облачившись таким образом и моментально сделавшись похожим на переливающийся селенитовым блеском подшипник, я прихватил с собою массажер для головы и ступил на опущенный пандус. Массажер, если кто не понял, предназначался в подарок главному местному ублюдку.

Внизу, возле пандуса, я увидел лучшего слесаря на всем причальном терминале «С», своего давнишнего приятеля, который носил звучное погоняло Канцлер Бисмарк. Если не принимать во внимание, что Канцлер являлся выраженным истероидным психопатом и убежденным каннибалом, то это был милейший человек, способный искренне расплакаться на плече друга перед тем, как перекусить ему гортань.

– Бисмарк, тебя еще не съели! – радостно поприветствовал я, и восторг мой был искренен как никогда, поскольку именно ради встречи с Канцлером я и притащился сюда.

– Гы-ы! – улыбнулся слесарь. – Меня есть нельзя! Кто же будет местные галюны пробивать, ежели меня съест?.. А я смотрю, никак «Фунт изюма» подвалил! Ну, думаю, господин Мпепедо пожаловал!

Он назвал меня стародавним именем, придуманным мною еще при первом посещении Корабля дураков. Было это, чтоб не соврать, лет двадцать пять тому назад...

– Канцлер, мне нужна твоя помощь. Посмотри-ка на опоры, – я широким жестом указал на прижатые к корпусу телескопические штанги; сейчас они напоминали ноги кузнечика, поджатые перед прыжком.

– Здорово! Никак башмаки потеряли! – порадовался за меня Бисмарк.

– Именно. Приварить новые можешь?

– А какие угодно?

– Да самые обычные. Метр на метр...

– Чтоб я – и не смог! Каждое утро как просыпаюсь, сразу парочку опорных башмаков варю! А потом обратно их режу!

– Да ты, как я погляжу, счастливый человек, Бисмарк! А что хочешь-то за работу?

– Мой любимый вопрос... – слесарь вздохнул. – Звучит как музыка. Спросите-ка меня еще раз!

– Что ты хочешь за работу, Бисмарк?

– Коробку пыхадорских опилок! – набравшись наглости, выпалил слесарь.

– Договорились.

– ... и сотенка УРОДов.

– Договорились.

– ...за каждую опору.

– Нет вопросов.

– ...и четыре часа времени.

– Хорошо, что не пять, но жаль, что не три, – вздохнул я.

– Только вы со мной расплатитесь потом, чтобы *капо капитале* не видел, – понизил голос Бисмарк. – Оно того... так спокойнее.

– Хорошо. А кто у вас теперь *капо капитале*? По-прежнему, старина Юпс?

– Не-а, Юпса съели. Он ветхий стал, бдительность потерял. Его Пожиратель и пожрал. Все просто!

– М-да, невесело как-то.

– Это как посмотреть. По мне, так очень даже весело. Да и Пожиратель доволен.

– А Пожиратель – не тот ли дурачок, что служил у Юпса скамейкой?

– Тот самый. Только теперь об этом все позабыли. Теперь у самого Пожирателя есть скамейки.

Тут по металлической эстакаде загремели тяжелые ботинки. Из прилегающего коридора вывалилась колоритная процессия. Пять тучных высоких мужчин с голыми торсами. Впереди важно вышагивал шестой, хромоногий, сутулый уродец в головном уборе из длинных разноцветных ленточек. Ленточки эти, судя по фактуре, были нарезаны либо из старого коврового покрытия, либо из полотенца. При ходьбе обладателю чудной шапочки приходилось постоянно забрасывать ленточки за плечи. Возня с этими элементами декора чрезвычайно забавляла его. Тот самый Пожиратель, что сменил бедолагу Юпса на ответственном посту *капо капитале*?.. Замыкала шествие вполне симпатичная брюнетка – также с голым торсом и отвисшей до пупа грудью. Разорванный чуть ли не до уха и грубо зашитый рот создавал ложное впечатление, что она постоянно усмехается.

Пожиратель хлопнул в ладоши. Брюнетка, забежав вперед, стала на четвереньки. Ага! Она служит Пожирателю скамейкой, то есть выступает в той же роли, что и сам Пожиратель в свою бытность слугой Юпса.

Капо капитале церемонно опустил на ее поясницу свой зад, важно отбросил за плечи ленточки и степенно провозгласил:

– Ба-а! Да у нас гости! Я, кажется, вас знаю!

– Меня зовут Мпепедо, – представился я.

– Как же, как же, помню! А вы зовите меня просто: Пожиратель Бесконечности!

– В самом деле, очень просто, – согласился я, нисколько не покривив душой. – У меня для вас подарок!

Я протянул *капо капитале* массажер для головы. Тот оживился. Даже последние кретины на Корабле дураков прекрасно понимали, что халява – это всегда хорошо. За исключением пули разве что...

– Что это? Никак стимулятор простаты?

– Нет. На голову надо надеть. Сразу пройдет головная боль, и даже зрение улучшится.

– Жаль, что не стимулятор простаты. Впрочем, голова у меня тоже имеется, так что согдится. А ресурс какой у батареи?

– Она на изотопе цезия. Ресурс двести пятьдесят лет. Еще и внуку послужит.

– Ну, внука моего не так давно на растопку пустили, кхм. В конвертер, значит. Так что ему ничего уже не достанется... Но все равно спасибо! – Пожиратель Бесконечности натянул на голову массажер, отрегулировал плотность прилегания датчиков и включил прибор. Некоторое время он наслаждался ощущениями, затем засмеялся: – Хорошая штука! А для чего пожаловали в наши, так сказать, конюшни?

– Маленький ремонт нужен.

– Это хорошо! Ремонт мы любим! – он подмигнул Бисмарку, давая понять, что непременно затребует с него долю малую. – Но дабы не терять времени, может, сходим в наш магазинчик? Так сказать, шоппинг перед кремацией?

А что? У меня оставалась масса свободного времени, которое вполне можно потратить на прогулку по Кораблю дураков.

В сопровождении голотелых охранников мы с Пожирателем Бесконечности поднялись на эстакаду, вошли в шлюз, через который попали из причального терминала во внутренние помещения станции. Охранники, очевидно, призваны были прокладывать нам дорогу сквозь толпу, но таковой просто не существовало. Если на глаза Пожирателю попадался обитатель станции, то он немедля падал ниц. С полдюжины одетых в лохмотья аборигенов повалились, звучно ударившись коленями и лбами о настил палубы, пока Пожиратель вел меня в свой магазин. Все эти жалкие подобию людей – низкорослые, тщедушные, с заячьей губой и косоглазые – производили тяжкое впечатление.

Магазин Пожирателя Бесконечности представлял собою облезлый отсек с рядами металлических стеллажей и разным хламом. Никакой системы в расположении товаров! Пожиратель с восторгом жизнерадостного дебила принялся метаться между стеллажами (насколько это позволяла ему негнушающаяся нога), нахваливая выставленный товар:

– Тут у меня коробка со стеклянными глазами! Их можно использовать для приготовления бус! Вы носите бусы? А вот тут у меня сухой клей! Поимел как-то коробку сухого суперцемента. Вам надо? Нет? Возьмите хоть что-нибудь!

Чтобы сделать приятное хозяину я, в конце концов, купил за пятнадцать УРОДов «пыхкалку» с термобатареей. Никогда я не был наркоманом, но среди массы бесполезных предметов, выставленных в магазине Пожирателя, «пыхкалка» являлась наименее бесполезной. Во всяком случае, она оказалась бы востребована практически на любой цивилизованной планете. В последние годы стало модно не курить легкие наркотики, а «пыхкать» их. Другими словами, использовать для вдыхания не продукты горения, а выделившийся в результате возгонки без доступа воздуха газ. Потому «пыхкалки» разного вида и конструкции стали весьма популярны среди публики известного сорта.

Сбагрив мне наркоманский прибор, Пожиратель Бесконечности впал в состояние, близкое к эйфории. Он и до того был энергичен, теперь же буквально светился изнутри, разве что искрами не сыпал:

– Идемте скорее, господин Мпепедо! В соседнем секторе сейчас начнутся торги рабами! Давайте продадим вам парочку рабов?!

В чем я совершенно не нуждался, так это в рабах. Однако бывшая скамейка Юпса, а ныне великий и ужасный Пожиратель Бесконечности, гнул свою линию:

– Пойдемте, посмотрим! Вдруг что-то интересное попадется!

Я дал себя уговорить, и *капо капитале* повел меня чередой мрачных помещений в соседний сектор. Несколько полутемных отсеков, наполненных спертым воздухом, в сумраке которых копошились человекоподобные твари...

Повелитель вывел меня в широкий коридор, разделявший Корабль дураков на так называемые внутренний и внешний радиусы. Коридор шел внутри громадного тора, образывавшего станцию, нигде не разрываясь. В стародавние времена, когда Корабль дураков являлся еще Авиценной, сей коридор служил главной транспортной магистралью этого астроинженерного сооружения. Теперь же проложенный в нем монорельс частично оказался разобран, а многие электрические и воздушные коммуникации, проложенные вдоль стен и под потолком, безжалостно вырезаны или оборваны. Коридор служил границей между секторами. С одной его стороны находились помещения, которые контролировал Пожиратель Бесконечности, а с другой – какой-то другой придурок, имени которого я не знал.

Воздух в коридоре оказался несколько чище, но только чуть-чуть. С непривычки голова у меня закружилась. Я постарался сразу напрячь внимание, дабы ничего не пропустить: на Корабле дураков расслабляться не следовало ни на минуту. Посреди коридора стояла колоритная пара мужчин с одинаковыми татуировками на предплечьях левых рук – очевидно, члены конкурирующей банды. На поясах у них висели какие-то железки, которые я бы классифицировал как обрезки арматуры – это было оружие татуированных воинов. Завидев Пожирателя, оба осклабились и обратились к нему на каком-то неизвестном мне диалекте. Пожиратель что-то ответил недобрым молодцам, кивнул в мою сторону, видно, объяснил, что ведет меня в соседний сектор на торги рабами, и мы беспрепятственно миновали кордон.

Миновав узкий тамбур, мы прошли в отсек, служивший некогда прогулочной галереей. Он был настолько длинен, что в нем угадывался изгиб тороидального корпуса станции. Стена напротив входа была занята тремя большими окнами, из которых открывался прекрасный вид на космос. Корпус орбитальной станции черной стеной выделялся на фоне рассыпанных по небу звезд. Раньше, когда наружная подсветка Авиценны еще работала, вид из этих окон, должно быть, поражал своим величием. Идиоты, гении и поэты, рассевшись в креслах, испытывали, видимо, немалый терапевтический эффект от его лицезрения. Теперь же, когда подсветка приказала долго жить, картинка за бортом сделалась мрачной и даже угрожающей. Черный борт орбитальной станции можно было с полным основанием счесть символом беды.

Посреди галереи вокруг высоких металлических ящиков из-под опреснительных картриджей – откуда только они здесь появились? – толпилось человек пятьдесят разношерстного люда. Подавляющее большинство – не обитатели Корабля дураков. По ярко-оранжевым кимоно я опознал двух жителей Неосфены. Подле них – группа молодых людей с шелковыми лавенсбрю и в разноцветных засупонках (не иначе, как граждане хорошо знакомого мне Голубого Пепедука). Обращал на себя внимание кряжистый мужик в черной форме «звездного десанта» с планеты Дивклептос, а также несколько человек в приметных переливчатых комбинезонах «службы метеорной защиты» планеты Зухрияр.

Нашего появления никто не заметил. Лица присутствовавших были обращены к металлическим ящикам, на которых скакал карлик с микрофоном. Он ревел нечто нечленораздельное, хотя и... по-русски. Это оказался ведущий торгов. Как раз принялся расхваливать очередную партию выставленных на продажу людей:

– Наши друзья-молокане пригнали четырех европеоидов. Все мужского пола, возраст толком неизвестен! Каждый по-своему хорош: белая кожа, разинутый рот, коли есть жопа, то не урод!

На ящики поднялся крупный альбинос в керамическом нагрудном доспехе. В руках он держал конец цепи, пристегнутый к ошейникам четверых изможденных мужчин. Рабы смотрели затравленно.

– Восемь глаз, четыре печенки, не испорченные алкоголем, количество гениталий сосчитайте сами! – Карлик прошелся колесом по импровизированному помосту. – Наши друзья-молокане просят за этих дивных мужчин всего-то сорок тысяч УРОДов! Кто больше?!

– Какой язык они знают или понимают? – выкрикнул кто-то из толпы покупателей. – Русский? Английский? Транслит?

– Русский или английский понимают те, кто летает в космос! – Карлик сделал еще одно колесо на месте. – А это – дети девственной планеты с неповрежденной экологией! Они лечили зубную боль уринотерапией и строили жилища из слоновьих кизяков! Они говорят на псевдосуахили, поэтому их никто не может понять!

– Разбейте их на две пары, и я возьму одну не торгуясь, – предложил татуированный красавец в женском бюстгальтере и с голыми плечами. Очевидно, один из немногих обитателей Корабля дураков. Не иначе, какой-нибудь местный капо.

– Вы же знаете, почтенный Людоед, это против правил, – вежливо отозвался карлик. – Друзья-молокане хотят задвинуть товар одним лотом. Итак, сорок тыщ УРОДов, кто больше? Шаг – пять тысяч!

– Сорок пять!

– Пятьдесят!

– Пятьдесят пять тысяч!

– Семьдесят тысяч и – ша! – перекрыл рык кряжистого мужика в черной форме «звездного десанта».

Повисла тишина.

– Семьдесят – раз! Два! Кто скажет семьдесят пять?! – Карлик подрыгал ножками, вихляя задом. – Три! Про-о-одано! Почтенный господин в черном забирает обладателей восьми глаз и четырех печенок! Целое состояние, подумать только! Где-нибудь на Неосфене или Див-клептосе за них можно будет взять пол-лимона УРОДов! Ха-ха!

Человек в форме «звездного десанта» двинулся к сцене. Альбинос спрыгнул ему навстречу. Оба отошли в сторону. Очевидно, для окончательного расчета.

Рабов с самодельного помоста увели. Карлик продолжил торг:

– А теперь, дорогие мои братихи и братанги, наш следующий лот...

Я с трудом разбирал шепелявую речь уродца, говорившего по-русски с ужасным акцентом.

– Наши доблестные шелудивые друзья из Эскалибура представили на продажу замечательную компашку: белого мужчину и двух белых женщин! Кто из нас не любит белое женское мясо?! Даже я люблю! Встречайте! Сразу предупреждаю – лот не делится...

На помост выскочил рослый, крепкий негр в черном доспехе, инкрустированном серебром. Когда он наклонил стриженую голову, на его темени стала видна литера «Z» – знак принадлежности к какому-то клану. На поясе негра висело незнакомое мне оружие, что-то вроде автоматического арбалета. Штука выглядела компактной и весьма солидной. Каким же может оказаться ее боекомплект?

Негр дернул конец цепи, который сжимал в руке, и на помост поднялись рабы, предназначенные на продажу.

Тут я сразу напрягся – это явно не были жители Корабля дураков или какой-то деградировавшей планеты. Все трое оказались облачены в одинаковые тиакриловые комбинезоны с голографической эмблемой на левой стороне груди. Некогда эта их снежно-белая одежда сейчас была пепельно-серой. Рабы выглядели как одна семья: мужчина и женщина казались гораздо старше хрупкой девицы, явно годившейся им в дочери. Все трое – белокожие, голубоглазые и насмерть перепуганные.

– Стартовая цена – сотня тысяч! – провозгласил карлик. – Можете разобрать их на органы! Можете оттрахать в самой извращенной форме! Можете использовать для получения выкупа! Делайте с ними что хотите! Только купите! Шаг торгов – десять тысяч! Играем на повышение! Поехали!

– На каких языках говорят эти рабы? – спросил кто-то из толпы.

– Хе-хе! На всех! Даже на тех, на которых не говорите вы! Посмотрите на голограммы – они граждане Цивилизационного Сообщества! Это же идеальные заложники! На выкупе вы заработаете состояние.

– Нашивки можно переставить, – не унимался привередливый покупатель. – Пусть скажут что-нибудь по-английски!

– Пусть скажут! Пусть говорят! – загалдела толпа.

Карлик оглянулся на негра, владельца товара. Тот, в свою очередь, посмотрел на карлика. Тронул оружие на ремне и рявкнул:

– Вы че тут гоните, братанги?! Что вы хотите услышать?! Может, вам еще стихи почитать? Или силовой стриптиз в пене изобразить?! Сто тыщ – стартовая цена, сказано же, поехали!

– Сто десять!.. Сто двадцать!.. Сто тридцать!.. Сто семьдесят тысяч! – посыпались ставки.

В моем мозгу включился таймер. Если до этого я наблюдал за происходившим как сторонний наблюдатель, то теперь не было в этом помещении более заинтересованного торговца, чем я. Одно дело, когда в качестве рабов используются олигофрены! И совсем другое – жители цивилизованных миров. Мимо таких случаев проходить не следует. Во всяком случае, таковы этические нормы жителей Донской Степи.

– Моня-Катерпиллер сказал, что желает получить сегодня белое мясо! Значит, так оно и будет! – провозгласил какой-то малый по левую руку от меня. – Поэтому я говорю: двести тысяч!

Тишина. Да, похоже, и Моню-Катерпиллера здесь хорошо знали.

– Двести пятьдесят тысяч! – просто уронил я.

В потайном отсеке на «Фунте изюма», который даже не был отмечен на конструкторском чертеже корабля, стоял свинцовый контейнер с двумя миллиардами наличных УРОДов. На эти деньги я мог бы купить весь Корабль дураков.

– Четверть «лимона»! – порадовался карлик. – Хорошо! Кто больше?

– Триста тысяч! – повысил голос мой конкурент. – И Моня получит-таки белое мясо.

У этого придурка был неправильный прикус и сильно выдвинутая нижняя челюсть. Удивительное сходство с человекообразной обезьяной! Принимая во внимание черный цвет кожи и выраженную волосатость открытых частей тела, можно было допустить, что таковой он и являлся. Сейчас, в эпоху тотального увлечения генной модификацией, я бы воспринял как должное, если бы узнал, что мой соперник прячет в штанах рудиментарный хвост.

– Пятьсот тысяч! И закончим на этом! – провозгласил я.

Обезьяныш с неправильным прикусом повернулся ко мне всем телом. То же самое сделали и две крепкие *мучачес* по бокам от него. *Мучачес* хоть и имели груди больше моих ягодич, все же сильно смахивали на мужчин. Я заключил, что передо мною плоды местной транссексуальной трансплантологии. Кроме того, у них на поясах висели блестящие колюще-режущие орудия весьма угрожающего вида.

Меня дернул за рукав Пожиратель Бесконечности:

– Господин Мпепедо, это же Кинг-Конг! – зашептал *капо капитале*. По-моему, в эту минуту он здорово стухнул.

– В самом деле? Я принял его за подкидного дурака! – также тихо ответил я, в надежде, что обладатель выдвинутой челюсти имеет хороший слух.

– Пятьсот десять тысяч, – отдельно проговорил потомок обезьяньего племени.

Насколько я понимал, конкурент выдохся и суммы, более названной, предложить не мог.

– Миллион УРОДов! И прекратим трепать нервы окружающим, – парировал я.

Народ ахнул. Или мне только показалось?

– Моня-Катерпиллер хотел белого мяса! И он его должен получить! Сними свою ставку! – рявкнул обезьяныш, испепеляя меня взглядом. Придурок не знал, что я тоже умею так смотреть.

– Эй-эй-эй! – оживился негр на помосте, продававший рабов. – Что значит «сними ставку»? Был назван «лимон» – значит, я получу «лимон», а не пятьсот десять тысяч!

– Повторяю для слепо-немо-тупо-глухих: даю миллион УРОДов за этих трех человек! – раздельно и громко заявил я.

Что должно последовать дальше, тайны для меня не составляло: в нашем мире по-настоящему новое происходит вовсе не так часто, как принято думать. Можете считать это моей формулировкой гауссова распределения вероятности. Мой конкурент вдруг вытянулся в струну и стремительным движением послал мне в голову быстро вращавшийся предмет – какой именно, я не успел рассмотреть, но думаю, что это была какая-то хрень из иридия или сталиния, являвшаяся новейшей модификацией бумеранга. Обезьяныш, должно быть, считал себя малым ловким и быстрым, но все же этого оказалось недостаточным для такого парня, как я. В конце концов, о той школе жизни, что я имел за своими плечами, он просто-напросто даже и не подозревал.

Я упал на колени, и брошенный предмет пролетел над головой. Вздернув обе руки перед собой, я навел на противника спрятанное в рукавах сари оружие. «Б-д-ж-ж!» – натужно рыкнул термокинетический пистолет и выплюнул ему в рожу раскаленную пулю длиной дециметр. «Б-д-ж-ж!» – рыкнул он вторично, повинувшись моему мысленному приказу. Я никогда не являлся безоговорочным сторонником сенситивного управления ввиду возможности элементарной блокировки слабых нейротоков, но на Корабле дураков я не боялся глушилок – если эти идиоты подсветку наружного борта не могли обеспечить, то о каком подавлении сенситивного управления речь!

Кинг-Конг как стоял, так и лег, звучно припечатав палубу затылком. Специалисты утверждают, что трицератопс, например, имел лобную кость толщиной шесть сантиметров. Врут? Не знаю. Если бы у меня была такая кость во лбу, я бы никогда не пользовался зонтиком и открывал бы сейфы кивком головы! Но даже трицератопс, получив в лоб две пули из термокинетического пистолета, брякнулся бы на палубу Корабля дураков.

Крепкотельные девицы, стоявшие с боков подстреленного обезьяныша, синхронно прыгнули в стороны. Должно быть, испугались. В одну я пустил третью пулю, а в другую – струю хладогена из фризера. Оба выстрела оказались удачны, транссексуалы взвыли.

Толпа, зачарованно наблюдавшая за происходившим, вдруг заволновалась. Люди подались в разные стороны, возмущенно закричали, кто-то кого-то толкнул, моментально возникла сумятица, раздались выстрелы. Многие посетители рабского рынка проигнорировали запрет на ношение огнестрельного оружия на борту Корабля дураков. К счастью, стреляли не в меня – палили друг в дружку, развлекаясь сообразно своим представлениям о веселом досуге.

Я вскочил с колена и помчался к помосту с рабами.

Негр отбивался от двух энергичных молодых людей, явно пытавшихся завладеть только что купленным мною товаром. Грозный обладатель литеры «Z» на темени удачно завалил одного из них, всадив в колено пару коротких оперенных дротиков, однако с другим справиться не смог – у того под одеждой оказался какой-то доспех. От его груди и предплечья отскочили четыре дротика.

Я пустил в спину «неуязвимого» струю хладогена. Получив от стремительной заморозки одежды и тела термический удар, он пискнул и без чувств упал навзничь. В лучшем случае – уже мертв, в худшем – переживал коллапс, и его ждало в высшей степени мучительное пробуждение.

Подскочив к помосту, я рывкнул скованным цепью людям:

– За мной! Быстро!

Но они не шелохнулись, пребывая в ступоре. Вполне обычная, кстати, реакция для вполне обычных людей. Дотянувшись до цепи, я рванул ее на себя, заставив рабов прыгнуть вниз.

– За мной! Не отставать! – я поволок всю семейку прочь, к причальному терминалу.

И самое время! Загремели разрывы дымовых, газовых и ослепляющих гранат. Если бы я не имел навыка действий в условиях их применения, то непременно бы потерял ориентацию в пространстве, ослеп, оглох и отравился бы перечным газом. Но всякий донской казак проходит интенсивный курс подготовки к террористической деятельности, захвата заложников и противодействия силовым действиям спецслужб. Так что я остался жив, относительно невредим и успешно выволок в коридор освобожденных мною рабов.

Все в слезах, соплях, хрипящие от едкого газа, они выглядели сейчас довольно жалко. Однако сильно порадовало то, что вся троица могла передвигаться на своих ногах. Стало быть, на руках тащить никого не придется.

В коридоре меня встретил Пожиратель Бесконечности, благоразумно сбежавший в самом начале устроенной мною стрельбы.

– Что ты наделал! – заорал хромоногий *капо капитале*. – Ты знаешь, кого подстрелил?! Кинг-Конга! Это самый ужасный палач на всем северном радиусе! Он на службе у Мони-Катерпиллера! Моня пригонит сюда полста убийц, и здесь будет месиво!

– Не бойся ты Кинг-Конга, он теперь очень сильно мертвый, – успокоил я Пожирателя.

– Улетай отсюда скорее! Я тебя покрывать не стану! Сам огребешь от Мони! Моня тебя плазменным резаком распилит!

– Да знаю я все про плазменный резак, угомонись! Освободи дорогу...

Я и сам понимал, что с Корабля дураков надо улетать. И чем быстрее, тем живее останусь. Я прошел к причалу. Канцлер Бисмарк, сидевший за пультом управления электрокаром, деловито подводил манипулятором башмак к одной из опор, пытаюсь придать ему положение, нужное для осуществления сварки. Я постучал по остеклению кабины:

– Канцлер, я улетаю! Башмаки привесишь в следующий раз! Вот, возьми, спасибо за труд, извини, что так получилось... – Я протянул ему пластиковую полупрозрачную карточку с голограммой достоинством в сотню УРОДов и «пыхкалку», купленную в магазине *капо капитале*.

Бисмарк смахнул с глаз что-то похожее на слезу:

– Перечным газом чегой-то в нос шибает. Аж глаза слезятся.

– Это от волос, – я показал на непокрытые головы освобожденных рабов.

– Гм. У меня есть коробка сухого собачьего шампуня. Хотите купить? – поинтересовался Бисмарк.

– У меня нет собаки.

– Неважно. Им можно мыть голову.

Я похлопал Бисмарка по плечу и направился к подъемному пандусу родного «Фунта изюма». За мной потянулась вся новоприобретенная троица. Лифт поднял нас на первую жилую палубу. Только теперь, очутившись с ними лицом к лицу, я получил возможность как следует их рассмотреть. Меня интересовали нагрудные эмблемы их комбинезонов. Если верить надписям на них, все трое когда-то являлись членами экипажа космического корабля «Энтерпрайз».

Я провозгласил:

– Третья дверь налево – помещение биологического обслуживания. Там можете умыться, оправиться и даже помассировать мизинцы ног особым массажером. На все про все у вас две минуты. Через три – отлет, и я приступаю к стартовому маневрированию. К этому моменту всем надлежит занять места в ложементях – дверь прямо перед вами. Кто не успеет – я не виноват!

Я откатил дверцу шкафа со скафандрами и извлек из него кусачки с атомарным усилителем, вещь, совершенно необходимую для работ в открытом космосе. Перекусил цепь, соединявшую ошейники бывших рабов:

– Отныне вы все свободные люди. Можете считать, что в настоящее время являетесь гостями на борту моей космической яхты... М-м... скажем, «Титаник»... Нет, неудачное название! Скажем, «Краса Крыжополя». Да, именно так! Вперед, время пошло!

3.

Я всегда считал, что предупредительный выстрел в лоб – лучший способ начала содержательной беседы, а контрольный в затылок – ее окончания. Если такая беседа и должна была когда-либо состояться, то сейчас представился именно тот случай. На борту своей яхты я вез трех человек, еще недавно прозябавших в положении рабов; я пообещал сделать их свободными и ради этого даже насмерть завалил нескольких дегенератов. Все это, конечно, выглядело чрезвычайно романтично. Существовала лишь одна загвоздка – я решительно ничего не знал об этих людях. Голограмму с надписью «Энтерпрайзс» на левой стороне груди не следовало переоценивать. Что такое «Энтерпрайзс», я тоже толком не знал. Это могла быть как компания-производитель лака для ногтей активных лесбиянок, так и узел дальней космической связи неизвестного мне правительства.

Гм, хотя все же, скорее, данная голограмма указывала на принадлежность всех троих к экипажу космического корабля.

Я направил «Фунт изюма» в сторону звезды Карамого – это ближайшая к Уцуропеду С-112 точка, в которой располагалась крупная перевалочная база межгалактических маршрутов. База, официально именовавшаяся «Квадрионе пультаре», у «донцов» имела бессмысленное прозвище «Квадропупль», выдуманное неизвестно когда и кем. Место это пользовалось известной популярностью: большое количество кораблей, совершавших дальние грузовые и пассажирские перевозки, как регулярные, так и не очень, перед межгалактическим прыжком делали остановку на «Квадропупле». Звезда Карамого располагалась на периферии галактики Аль-Дагор, и лучшего места для подобной базы трудно отыскать.

Именно на «Квадропупле» я решил высадить своих гостей, дабы они получили возможность отправиться на проходящем лайнере в любой – по собственному выбору – район Вселенной.

Навигатор рассчитал координаты точки входа в нужный мне «схлоп» и задал разгонную траекторию. Оставалось более четырех свободных часов, прежде чем «Фунт изюма» достигнет субсветовых скоростей. А стало быть, мы могли относительно свободно поговорить.

Я развернул свое кресло к гостевым местам вдоль стены. Места эти неслучайно назывались гостевыми – сидевшие там не могли вмешиваться в управление кораблем и лишь наблюдали за действиями командира. Первым делом следовало успокоить гостей относительно моих ближайших планов.

– Как все вы могли видеть, – начал я, – в качестве цели полета задана звезда Карамого, расположенная в пятидесяти семи парсеках отсюда. Это красный гигант, хотя и не такой большой, как Уцуропед, который вы можете сейчас видеть на обзорных «планшетах». Возле Карамого – крупная база «Квадрионе пультаре». Это так называемая промежуточная пилотажная база, «база подскока». Я высажу вас там и дам каждому по сто тысяч УРОДов, дабы вы могли приобрести билеты на любой транзитный корабль. Означенной суммы хватит на то, чтобы пересечь нашу Вселенную из конца в конец, так что проблем с возвращением домой у вас не возникнет.

– Вы нас отпустите? – с сомнением спросил мужчина. Русский не являлся его родным языком; он говорил с сильным акцентом и подбирал слова с заметными паузами.

– Именно.

– Что хотите взамен?

– Ничего.

Вся троица обменялась быстрыми и, как мне показалось, недоуменными взглядами.

– Вы хотели заплатить за нас миллион... – мужчина надолго замолк, внимательно изучая мое лицо, – и ничего не получить взамен?

– Именно так.

– Что вами двигало?

– Мои этические представления.

– М-м-м... – покивал недоверчиво мужчина. – Этика...

– Да, этика. Позвольте представиться: Кентаврус Пепеджаклус. Вы все можете называть меня просто Кенни. Если не возражаете, я бы хотел узнать ваши имена. Должен же я вас как-то различать.

– Я – Эдвард Вэнс.

– Я – Сибилла Вэнс, жена Эдварда.

– А меня зовите Натс.

– Вы дочь Сибиллы и Эдварда? – уточнил я.

– Нет, мы даже не родственники, – с отчуждением в голосе ответила младшая.

От меня не укрылось, что Натс, в отличие от четы Вэнсов, прекрасно говорила по-русски. Вне всякого сомнения, она имела большую языковую практику. Я внимательнее взгляделся в ее лицо и только теперь понял, что передо мною вовсе не девчонка, а вполне сформировавшаяся женщина – молодая, симпатичная. И куда это я смотрел раньше?!

– Хорошо, не будем углубляться... Задам лишь последний вопрос: что такое «Энтерпрайз»?

– «Энтерпрайз» – корабль с планеты Новые Фивы, – сообщил Эдвард Вэнс.

Ого! Новые Фивы – один из самых богатых и могущественных миров Земной Цивилизационной Лиги. Планета, вращавшаяся вокруг сравнительно молодой желтой звезды в одной из ближайших к Земле галактик Туманность Андромеды, оказалась, пожалуй, первой, заселенной земными колонистами в самом начале общевселенского расселения человечества. Безжизненный, безатмосферный мир подвергся генеральному переустройству и ландшафтному переформированию. Всего за одно десятилетие Новые Фивы обзавелись мощной, богатой кислородом атмосферой, а также пригодной для растений почвой. После чего туда валом повалила богатая публика, стремившаяся покинуть переживавшую экологическое истощение Землю. За пять столетий, миновавших с той поры, Новые Фивы превратились в самодовольный, замкнутый мир, считавший себя самым демократичным, самым справедливым и самым лучшим в целой Вселенной. Жители с высокомерным пренебрежением относились к гражданам других сообществ, но при этом испытывали комплекс неполноценности перед землянами, которые все же считались самыми богатыми жителями Вселенной. Такой снобизм вообще являлся характерной чертой членов сообществ, входивших в Земную Цивилизационную Лигу. Я имел несколько случаев общения с гражданами Новых Фив; признаюсь – все они оставили не очень-то приятные воспоминания.

– Слышал о такой планете, – кивнул я. – Это был военный корабль?

– Нет. «Энтерпрайз» – крупная лаборатория одного из университетов. Вернее, являлся крупной лабораторией.

– Какого направления исследования вела лаборатория?

– Физика звезд.

– Вы, стало быть, физик?

Мне показалось, что господин Вэнс напрягся.

– Да, я физик. Моя тема: трансформации вещества в крупных, быстро меняющих объем объектах. Ничего военного!.. Мы все находились на борту «Энтерпрайза», когда последовало нападение.

– Пираты, да?

– Да, пираты. Свою группу они именовали «Эскалибур».

– Я так и понял по тому, как объявлял карлик во время торгов. Но на самом деле пиратский клан мог носить совсем другое название. Когда на вас напали? Перед входом в «схлоп» или уже после прыжка?

– После. На выходе.

– И где это случилось?

– Не знаю. Я ведь не занимался навигацией. Нам предстояло последовательно выполнить несколько больших прыжков чуть ли не по двадцать мегапарсеков каждый. Путь прокладывался через необитаемые системы. В одной из таких систем нас ждали.

Вэнс отвечал, а его спутницы как воды в рот набрали. Их молчание обескураживало. Я не то чтобы ждал от спасенных мною людей слов благодарности или какого-то иного выражения чувств, но более доверительное и раскрепощенное поведение с их стороны мне показалось бы вполне уместным.

– Хорошо, будем считать, что я получил ответы на интересующие меня вопросы. У нас есть несколько свободных часов. Спуститесь лифтом палубой ниже. Там... Я называю это гостиной, хотя правильнее, наверное, кают-компания. Там есть синтезатор пищи с памятью на двенадцать тысяч блюд. Закажите себе что-нибудь: курочку, мороженое, пиво, шампанское... Словом, все, что хотите, на выбор.

– Вы что же, тратите запасы позитрония на приготовление пищи?

– Трачу. У меня его закачено полторы тонны. Так что хватит на все.

Мне показалось, что в мозгу физика при попытке сосчитать стоимость блюд замелькали нули.

– Позвольте, но это же... Бутылка синтезированного шампанского окажется дороже слитка палладия той же массы!

– В два с половиной раза, – уточнил я. – О золоте и платине и говорить не приходится. Но у меня на корабле нет объема, чтобы возить с собой запасы продуктов. Поэтому пища только из синтезатора.

Вся троица поднялась со своих мест и двинулась к выходу из поста управления.

– И вот еще что! – остановил я их в дверях. – Там же в гостиной находятся ложементы для людей. Я дам команду перед прыжком в «схлоп» и вам придется их быстро занять. Изучите конструкцию заблаговременно. Иначе окажется, что я зря спасал вас из рабства.

Они не поняли иронии. Тупые они там, в Новых Фивах, что ли? Зато все трое облегченно выдохнули. Черт побери, чего же эта компания так боялась?

«Квадрионе пультаре» я считаю одной из самых красивых околозвездных баз. Звучит не очень патриотично по отношению к тому, что понастроили свободолюбивые казаки в Донской Степи. Да только слов из песни не выкинешь! «Донцы» из-за жесткого ограничения во времени и ресурсах строили станции модульные, из небольших блоков, предварительно собранных на планетах. Там посредством переходных узлов эти блоки объединялись в единую конструкцию, в результате чего орбитальные станции в своем готовом виде приобретали очертания, весьма похожие на большие кучи козьего помета. Уж извините, но таков ассоциативный ряд в закоулках моего казачьего мозга. Кто видел козье дерьмо хотя бы раз в жизни, тот согласится с точностью сравнения.

Совсем другое дело станции, отлитые в космосе из пенобетона. Колоссальные конструкции, настоящие искусственные планеты, не предназначенные для скоростных маневров, взлетов и посадок в турбулентных атмосферах. Невесомая красота, чудо внепланетного инжиниринга! Ажурные решетки антенн ближней связи, огромные световые окна, причудливо изогнутые профили несущих конструкций, причальные терминалы, всегда вынесенные на крайние точки конструкции, подсветка внешних бортов, причудливая игра света и тени. Я бы даже сказал, прихотливая игра света и тени. К-р-р-ра-сотница!

Перед причаливанием к «Квадропуплю» я ввел в идентификационную матрицу «Фунта изюма» данные, которые описывали мой корабль как «Красу Крыжополя», построенный в 2715 году на четырнадцатой верфи анархической планеты Палтоломео, не признающей власть Земной Цивилизационной Лиги. Пусть кто-нибудь проверит! Считается, что идентификационные матрицы не поддаются исправлению, однажды введенные реквизиты остаются там навечно. Я, разумеется, исправлял, а если точнее, переписывал их постоянно. При том образе жизни, который я вел последние тридцать условно-земных лет, изменение корабельных реквизитов являлось для меня делом куда более важным, нежели борьба с перхотью или чрезмерной ломкостью ногтей. Считалось, что биополимерную пластину, являющуюся идентификационной матрицей в физическом, так сказать, смысле, невозможно вырезать из несущей конструкции корпуса космического корабля без ее разрушения. Данное обстоятельство, следуя логике конструкторов, делало невозможной ее замену. Надо сказать, это чистая правда. Именно потому пираты и разного рода межзвездный сброд – все эти «каперы бессовестные» и «каперы честные» – обычно такие матрицы просто выжигали плазменными резаками, не предпринимая попытки их извлечения. Корабли таких героев галактических далей никак не идентифицировались и потому не могли пользоваться легальными услугами космопортов, принадлежавших Земной Цивилизационной Лиге.

Я действовал иначе. На каком бы корабле мне ни доводилось нарезать дурака, я непременно возил с собою купленный на космоверфи обрабатывающий центр, посредством которого по мере возникновения необходимости изготавливал потребное мне количество новых матриц. На моем прежнем корабле, носившем романтическое название «Горшочек ослика Иа», в конечном итоге их оказалось нарезано более трех десятков. Старые я выжигал, а новые программировал, сверяя по справочникам корабельные реквизиты с данными реально существовавших и выставленных на продажу яхт. Все очень просто! Особенно когда знаешь, как правильно следует врать.

Сейчас я поступил несколько проще и грубее: в новую идентификационную матрицу просто-напросто ввел данные не существовавшей «Красы Крыжополя». За то непродолжительное время, что мне придется провести у причала «Квадропупля», никто из персонала базы не успеет проверить точность сообщенных мною выдуманных сведений.

Сверхсветовой прыжок не имеет протяженности во времени. Точнее, при превышении скорости света происходит свертка оси времени в привычной системе координат. Правда, имеет место образование большого количества новых измерений, но все они парные, не действующие на наши органы чувств, и, кроме того, ввиду мгновенности прыжка, нашему восприятию недоступны. Физики утверждают, что все эти измерения объективны и реальны, но нормальному человеку от этого ни тепло, ни холодно, вообще никак. Так что, с точки зрения человеческого восприятия, основные затраты времени при межзвездном перелете требуются как раз на разгон до околосветовой скорости, а затем – на торможение. Сам прыжок, какое бы расстояние он не покрывал, времени в человеческом понимании не занимает вовсе.

Диспетчер «Квадропупля» поприветствовал «Красу Крыжополя» на русском, английском и транслите. После чего направил мой корабль в очередь ожидавших швартовки лайнеров. Самих кораблей в кромешной тьме окружавшего космоса я рассмотреть не мог – Внеатмосферный Кодекс квалифицировал любое, не обусловленное программой полета, сближение космических кораблей на расстояние менее пятисот километров как аварийное. А с пятисот километров увидеть даже огромный межзвездный лайнер невозможно. Разве что проблесковые маяки на вынесенных антеннах.

«Фунт изюма» занял очередь в длинном ряду причаливавших к околосветовой базе кораблей – «Нормандия», «Афины», где-то там еще дальше «Бодхисатва». На швартовку каждого лайнера уходило примерно пять-семь минут – в зависимости от размера корабля.

Понятно, что здоровые дуrolомы требовали большей тщательности при выполнении стыковки.

Не прошло и получаса, как «Фунт изюма» получил приглашение к швартовке. Диспетчер базы дал мне стыковочную глиссату. Задача была проста: ориентируясь по свету четырех причальных фонарей, подойти к нужным воротам. Все четыре световых сигнала должны быть видны одновременно. Если один из них исчезал, значит, я вышел из данного мне коридора и потенциально создал угрозу либо базе, либо соседу, маневрировавшему рядом.

Я знал толк в космическом пилотаже, ни разу ни один из огоньков из вида не потерял. На последней минуте в центре квадрата появился еще один яркий огонек, который стал стремительно расти и вскоре своей яркостью затмил прочие – это была причальная аппарель, в которую «Фунт изюма» нырнул легко и непринужденно, как рука в карман, как чайная ложка в сахарницу.

Мягкое, почти незаметное касание тормозного штока, едва уловимый толчок и все – полет окончен.

Я включил внутрикорабельную трансляцию:

– Господа Вэнсы, госпожа Натс! Мы благополучно прибыли на станцию «Квадрионе пульсаре», название которой переводится с вульгарного гонуэзского то ли «Четвертый пульсар», то ли «Четыре пульсара»... Не знаю точно, никогда не был силен в этих аппенинских гибридных языках. Прошу вас пройти к выходу из корабля для церемонии торжественного прощания, пожимания рук и оплакивания. Имейте в виду, что корабль наш располагается горизонтально в зоне невесомости – стены и пол поменялись местами.

К выходу я успел раньше, хотя пост управления находился от него дальше, чем салон на второй палубе. Сказалась сноровка и знание родного корабля. Чете Вэнсов я вручил пластиковый пакет с двумястами тысячных УРОДов, их волоокой спутнице – точно такой же, только с сотней.

– Вот ваши деньги. Постарайтесь более не попадаться в плен к пиратам. Надеюсь, путешествие на моей уютной посудине явилось для вас не самым гадким впечатлением.

Только тут Эдвард Вэнс, похоже, поверил в собственное освобождение. Приняв пакет из моих рук, заглянув внутрь и убедившись, что там действительно лежат две пачки небесно-голубых пластиковых карт с легко узнаваемыми голограммами, он поднял на меня глаза:

– Значит, вы нас отпускаете...

– Да, представьте себе.

– Спасибо вам за все, – господин Вэнс выглядел крайне задумчивым, если не сказать озадаченным.

Супруга его отреагировала куда живее:

– Спасибо, спасибо! Мы с первой минуты знали, что все будет хорошо! Вы человек, внушающий доверие с первого взгляда.

Местоимением «мы» она, очевидно, обозначила себя и Натс. Последняя неожиданно протянула мне руку:

– Мир, оказывается, не без добрых людей. Огромное спасибо!

Ее, стало быть, я тоже сумел удивить. Неужели мои действия в глазах этих людей до такой степени выглядели странно?

– Но если я никуда не хочу лететь, могу ли остаться? – неожиданно спросила Натс, не выпуская мою ладонь.

Ее прозрачные небесные глаза смотрели на меня требовательно и, я бы даже сказал, взыскательно.

– У вас в пакете деньги, достаточные для перелета в любое место обжитой Вселенной. Возвращайтесь на родину!.. У вас же есть родина?

– Сожалею, но я не могу вернуться на родину.

Я ощутил, как заволновались супруги Вэнс. Эдвард даже поднял руку, словно намереваясь удержать девушку за локоть, но не сделал этого, а лишь почесал нос. Получилось у него не очень естественно.

Ситуация складывалась неожиданно дурацкая. Я знал, что мне необходимо выпроводить этих людей со своего корабля, иначе рискую рано или поздно быть обвиненным в насильственном их удержании. Не хватало мне еще пополнить список работорговцев!

– Госпожа Натс, есть нюанс, который заключается в следующем... Я хотел бы, чтобы вы сейчас все трое покинули мой корабль. Камеры на причале зафиксировали тот факт, что я отпустил вас. Тем самым, с точки зрения международного права, я продемонстрирую свое неучастие в торговле рабами. Для меня это важно, поскольку я не желаю сталкиваться в будущем с такого рода обвинениями...

Тут я, конечно, слегка покривил душой. Может, и не слегка. Может, и вовсе не душой, а тем, что у меня вместо нее. Тем не менее, что-то такое пустое и напыщенное я должен был произнести в присутствии этих Вэнсов. Они, кстати, при моих словах облегченно вздохнули. Или мне показалось?

Прощание явно затягивалось. С этим явно что-то надо было делать!

– Вы можете вернуться на борт «Фу...», то есть «Красы Крыжополя», и я даже буду вам искренне рад. Вы – красивая женщина, а я – чертовски привлекательный мужчина, особенно ежели смотреть в темноте, в другую сторону и не на меня... – пошутил я старым космическим анекдотом про космонавта Леонова в бане. Натс не поняла шутки и не улыбнулась. – Но сейчас вы должны... Я вас об этом прошу... покинуть борт моего корабля вместе с супругами Вэнс.

Керамическая дверь отъехала в сторону, открывая путь к эскалатору, поданному посадочным автоматом. Лента вращалась, на причале выходящих дожидалась пара роботов: банкомат – для размена экзотических планетарных валют на УРОДы и робот-регистратор – для заполнения формы допуска, оформления временного пропуска и последующего прохождения таможенного контроля. Цивилизация, однако!

Эдвард Вэнс ступил в дверной проем, но неожиданно остановился.

– О-о, – протянул он, постучав каблуком, – хорошая броня! Керамическая!

– Монокристалл... – поправил я. Броня «Фунта изюма» являлась моей гордостью. Если вы летали на монокристалле кремния, выращенном в глубоком вакууме, то должны понимать мои чувства.

– Два с половиной метра, не меньше!

– Обижаете! Три! – Я скромно умолчал о том, что в носовой оконечности толщина керамической оболочки достигала восьми метров.

– У вас хороший корабль... господин... прости-те-не-запомнил-вашего-имени...

Этот специалист по физике звезд мне уже изрядно надоел. Кому приятно, когда его имя забывают, пусть даже это имя всего лишь псевдоним? Пора бы уже специалисту по физике звезд свалить за борт. Окончательно.

– Кентаврус Пепеджаклус, – я кротко напомнил свой очередной бредовый псевдоним. Для разного рода идиотов в заголовках моей богатой памяти отведена целая полка псевдонимов, имен и кличек.

Натс засмеялась. Она, похоже, откровенно забавлялась в эту минуту...

Все трое, клацая магнитными ботинками по металлическим направляющим, прошли к эскалатору. Стали на вращающиеся ступени и... Adios, madam!

Я вернулся в пост управления и через один из обзорных «планшетов» принялся наблюдать за тем, что происходило на пирсе, возле борта «Фунта изюма». Чета Вэнсов, судя по энергичной жестикуляции, с жаром уговаривала Натс следовать за собой, в глубь станции. И вроде бы уговорила. Троица быстро миновала робота-регистратора, получив оранжевые пропуска, и

исчезла за массивной дверью с цифрой «12». Число это, если кто не понял, являлось номером терминала, к которому причалил мой корабль.

Некоторое время я раздумывал над тем, не заказать ли мне починку поврежденных складных опор, но решил этого здесь не делать. Отсутствие опорных башмаков – дефект не только приметный, но и довольно редкий. Ремонт неизбежно привлечет внимание пущенных по моему следу сыскарей. Скорее всего, запросы о проведении подобных ремонтных работ уже разосланы полицией Голубого Пепедука по всем планетам и орбитальным станциям, признающим юрисдикцию Земной Цивилизационной Лиги. Не стоило облегчать задачу ищейкам – пусть побегают, поломают голову над тем, где и как меня искать...

Время бесплатной четвертьчасовой стоянки подходило к концу. Что делать далее – оставаться или улетать? Собственно, все мои дела на «Квадропупле» уже закончены... Я запустил предстартовое сканирование систем и вдруг увидел на пирсе знакомую тоненькую фигуру в серебристом комбинезоне. Фигура подняла вверх руку и помахала, давая понять, что просит открыть люк.

Обрадовался ли я? Но люк открыл.

Итак, что же дальше? Мне по-прежнему совершенно необходимо восстановить опорные башмаки. Только теперь на борту «Фунта изюма» находился пассажир – не то чтобы нежеланный, но случайный, скажем так. Пассажир вызывал у меня симпатию. Подозреваю, взаимную. Да только это ничего не значило! В моих жизненных планах для милого голубоглазого существа с тонкими чертами лица места не было. И не предвиделось.

Мы – я и Натс – сидели в посту управления и смаковали «Вдову Клико» урожая 1876 года. Шампанское я получил из недр пищевого синтезатора, оттуда же – пару фужеров на длинных ножках из настоящего богемского стекла. На все это великолепие умный прибор потратил тридцать два грамма позитрония, но оно того стоило. Натс оказалась необыкновенно занимательным собеседником, и те часы, что «Фунт изюма» разогнался до околосветовой скорости, мы провели в атмосфере романтической. Никогда не думал, что пост управления моей яхтой – помещение сугубо функциональное и даже аскетическое – может превратиться в столь уютное гнездышко. Даже и не знаю, что явилось тому причиной: красивая девица рядом или бутылка доброго шампанского?

Громадные планшетные мониторы над нашими головами отображали потрясающие красоты окружавшего нас мира. Периферийные области небольших галактик вообще могут быть необыкновенно живописны – свет галактического ядра не затмевает свечения ближайших соседей-галактик, и они громадными яркими пятнами видны на небосводах планет, вращающихся вокруг периферийных звезд. Если скопления галактик содержат необычные структуры, например, сталкивающиеся или ярко светящиеся сейфертовские галактики, то небосводы планет приобретают вид совершенно футуристический! Именно потому, кстати, планеты земного или селенитного типа, вращающиеся вокруг периферийных звезд небольших галактик, ценятся на космических биржах дороже всего.

Галактика Аль-Дагор совсем небольшая, не более пяти миллионов звезд, имеет компактное яркое ядро, оставшееся сейчас за кормой «Фунта изюма», и прямо по курсу нам открывался красивейший вид! Вправо и немного вверх по курсу в безмерной космической черноте висела Колхида – спиральная галактика с тремя четко очерченными рукавами. До нее было всего-то два миллиона парсек и потому структуру этой галактики можно рассмотреть во всех деталях. Левее и примерно вдвое ближе можно было наблюдать другое чудо – то, что старина Хаббл назвал бы «неправильной галактикой второго типа»... Три громадных шаровых скопления, соединенных так называемым «звездными мостами». В космических лощах это явление природы называли многозначительно «Клякса Лапласа». В среде казаков, склонных все переиначивать на свой лад, эту галактику именовали куда циничнее – «Бредом дерматолога».

Мы пили шампанское, я расслабленно просматривал справку лоции, выбирая направление следующего прыжка, и при этом успевал разговаривать с Натс. Если точнее, отвечать на ее вопросы. Удивительно, сколь о многом успевает расспросить одинокого мужчину всего одна женщина за первой же бутылкой шампанского!

– Так куда же и зачем ты летишь, Кентаврус Пепеджаклус?

– Можешь называть меня, скажем, Сэмми Йопи-Допи, – разрешил я. – Пепеджаклус – это для четы Вэнсов.

– Как скажешь, Сэмми... Так куда же ты направляешься?

– Хотел бы я сам знать! Мне надо осуществить кое-какой ремонт, и я ишу, где это можно сделать, – честно признался я.

– Почему этот ремонт ты не сделал на базе, где высадились Эдвард и Сибилла Вэнс?

– Хороший вопрос! По существу!.. Потому что «Квадропупль» принадлежит компании, имеющей штаб-квартиру на Ойдэре. А эта планета является одним из самых ретивых членов Земной Цивилизационной Лиги.

– Ну и что?

– Ничего. Просто именно поэтому я и не стал делать там ремонт.

По моему твердому убеждению, если не хочется говорить всей правды, достаточно сказать ее часть – это сбивает с толку лучше любой лжи. Можете считать сказанное законом накопления кредитной репутации в моей собственной редакции.

Надо признать, милая Натс ненадолго озадачилась моим ответом. Она выдала на-гора новый вопрос:

– Ты испытываешь антагонизм к Цивилизационной Лиге?

– Как и всякий цивилизованный человек, – сознался я.

– В твоих словах, Сэмми, чудится противоречие. Ты не мог бы получше объяснить, что имеешь в виду?

– Цивилизаторы выступают в защиту прав человека. Они атеисты и отвергают все этические ограничения, налагаемые Верой. Я же считаю, что права человека, лишённые этических тормозов, неизбежно вырождаются во вседозволенность. На этом основании я не считаю носителя и защитника демократических ценностей цивилизованным человеком.

– Русский человек без Бога – дрянь...

Неожиданной цитатой из Достоевского она меня по-настоящему удивила.

– Ты знаешь, чьи это слова? – на всякий случай уточнил я.

– Конечно. А ты сам знаешь?

– Я-то знаю...

– Я прочла «Дневник писателя» от корки до корки. И не один раз.

В двадцать восьмом веке довольно трудно отыскать человека, читавшего «Дневник писателя».

– Что ж, значит, тебе будет проще меня понять.

– Таковым нравственным и религиозным человеком ты считаешь себя? – задала очередной вопрос Натс.

– О себе я еще не сказал ни слова. Пока же я говорю только о том, что пропагандируемые Цивилизационной Лигой идеалы считаю для человечества неприемлемыми и губительными.

– Хорошо, но кто тогда ты?

– Идущий перпендикулярно.

– Это не ответ.

– Хорошо, можешь считать меня дророманом.

– Кем?

– Дроромания – склонность к бродяжничеству. Считаю меня космическим бродягой, идущим перпендикулярно стаду баранов, в которое выродилось так называемое «цивилизованное» человечество.

Тут Натс задумалась. Значит, все же я сумел поставить в тупик эту зеленоглазую красавицу.

– Гм-гм! Налей-ка мне еще шампанского, Сэмми...

Так мы и летели. Не то чтобы очень весело или эротично. Но все же не скучали.

Лоция показала, что «Бред дерматолога» заселен довольно редко (не в пример Аль-Дагору). Это объяснялось большим возрастом скопления и малым числом звезд, имевших приемлемую для развития больших колоний светимость. Что, впрочем, не помешало раскупить большое количество планет в частное владение. Согласно лоции в галактике располагались всего лишь четырнадцать крупных колоний. Все они оказались основаны примерно в одно время – чуть более двухсот лет назад – в эпоху так называемой «второй миграции», в которой активно участвовали выходцы из Латинской Америки. Названия основанных в «Кляксе Лапласа» колоний говорили сами за себя: Мексико, Нью-Мексико, Банджо, Чили, Звездный Акапулько. Род технологической специализации – первичная обработка недр и космического мусора, интенсивное сельскохозяйственное производство на планетах, закончивших полный цикл терраформинга, то есть полностью преобразовавших атмосферу. Основатели местных сообществ явно испытывали острый дефицит идей и еще больший дефицит словарного запаса. Я бы, например, никогда не назвал свою планету Нью-Санкт-Петербург или Нью-Васюки.

В принципе, латиноамериканские планеты мне подходили почти все. Исключение составила только Бразилия, по дурости своего основателя Педро Гуэрренте вписавшаяся в Земную Цивилизационную Лигу. Искренне жаль два миллиона ее жителей, добросовестно пахавших на восьми огромных химических комбинатах, восстанавливавших щелочноземельные металлы, которыми так богаты недра планеты, но... Но это как раз тот случай, когда старина Вольтер мог с полным основанием заявить: рабы сами ковали свои цепи! Не могу ручаться за точность цитаты, ведь точно также мог сказать и циник Диоген. Последний, кстати, мне куда симпатичнее Вольтера.

Хотя я мог отправиться на любую из планет, кроме Бразилии, я все же выбрал из лоции нечто совсем иное. Дело в том, что в галактике «Клякса Лапласа» почти десять тысяч планет выкуплены в частное владение. Большинство хозяев этих десяти тысяч планет объявляли о полном запрете на высадку. То есть, скорее всего, планеты неосвоенные и являются просто вложением чьих-то капиталов. Однако хозяева почти двухсот планет выступали с разного рода предложениями для завлечения космических туристов. Тут и реклама казино без ограничения ставки (что категорически запрещено Земной Цивилизационной Лигой!), и какие-то безумные предложения в области секс-услуг (планета-бордель – это ни на что не похоже, скажу я вам, хотя сам я на такой планете не бывал ни разу!)... В общем, посмотреть было на что.

Но меня привлекло кое-что другое. В разделе «бизнес-предложения» я увидел объявление, показавшееся по-настоящему интересным и оригинальным.

Некто Лориварди Гнук приглашал на собственную планету Баунти всех астрономов-любителей, заинтересованных в уникальных наблюдениях. Согласно его уверениям, в небе Баунти прекрасно видны невооруженным глазом три небольшие близкие галактики и расположенная в той же звездной системе планета с набором колец из астероидов. Лориварди Гнук гарантировал возможность для наблюдений, в том числе и с оборудованных площадок в горах, в условиях незначительных атмосферных возмущений. К этим площадкам – подвоз различными видами воздушного транспорта. Все удовольствие стоило каких-то пять тысяч УРО-Дов за ночь наблюдений, включая обслуживание космического корабля и доставку визитера к выбранной им точке наблюдений.

Именно то, что мне нужно! Наличие воздушного транспорта свидетельствовало о существовании на планете инфраструктуры, необходимой для его эксплуатации и ремонта. Кроме того, сыскари из Службы Экономической Безопасности в последнюю очередь станут искать Пепеданга Чивалдоси на планете, хозяин которой предлагает прекрасные условия для астрономических наблюдений. Биржевая акула и мошенник, увлекающийся астрономией, – нонсенс, в понимании прагматически мыслящих оперативников. Откуда им знать, что Петр Разорвирубаха (он же Иван Караваев, он же Иван Обьедалов, он же, наконец, Сэмми Йопи-Допи) в дни своей первой молодости грезил звездным небом и мечтал стать астрономом!

Я выдал указание Навигатору: галактика «Клякса Лапласа», звезда Кохрентус, четвертая от звезды планета под именем Баунти.

Через секунду на штурманском «планшете» высветились текущие координаты. Получалось, что уже через восемь с половиной условно-земных часов я мог опуститься на поверхность нужной мне планеты. Там как раз должен наступить вечер.

– Моя дорогая Натс, – обратился я к своей спутнице. – Сейчас мы совершим небольшой прыжок. И если все сложится удачно, то сегодня у тебя будет незабываемая ночь.

Если б только я знал в ту минуту, как же окажусь прав!

4.

«Фунт изюма» вышел из «схлопа» вполне благополучно. Хотя немного не там, где рассчитал Навигатор. По счастью, корабль выскочил из подпространства не в термоядерном чреве звезды и не в раскаленных недрах планеты, но ошибка в сто миллионов условных земных километров меня больно кольнула – за такие ошибки мы, космические дороманы, слишком часто платим своими жизнями. Надо ставить лицензионные копии «Звездной лоции» и Навигатора, надо прекратить экономить на мелочах! Говорю себе об этом всякий раз, ныряя в синхротронный «схлоп». Надо бы все же проконсультироваться с психиатром. Может, я циклоидный шизофреник?

Расстояние до Баунти оказалось равным не ста пятидесяти миллионам километров, а сотней миллионов больше. Пятьдесят миллионов из них отводились на резкое, так называемое субсветовое, торможение. Скорость корабля должна упасть до ста тысяч километров в секунду. Далее полет менее экстремален – исчезал интерференционный след, корабль начал слушаться маневровых двигателей, пропадали все крайне неприятные эффекты и парадоксы, связанные с околосветовыми скоростями, которые физики прошлого называли релятивистскими.

Я обратился по внутрикорабельной трансляции к единственному пассажиру:

– Милая Натс, наше подлетное время окажется несколько больше расчетного. Ты бы могла искупаться в бассейне...

– У тебя на корабле есть бассейн?

– Ты бы могла искупаться в бассейне, но бассейна, к сожалению, здесь нет. Поэтому можешь что-нибудь почитать.

– Можно, я почитаю твою лоцию? Я видела, как ты это делал. По-моему, очень интересная штука!

Она даже не подозревала, что наступила на большую мозоль. Именно ошибка пиратской копии «Звездной лоции» привела к тому, что мы выскочили в нерасчетной точке пространства.

– Конечно, ты можешь ее почитать, – разрешил я. – Сейчас дам указание бортовому компьютеру, и он обеспечит тебе допуск.

Натс находилась на второй палубе, в гостиной у камина. Один из краеугольных принципов моего поведения: никто не должен видеть, как я управляю кораблем! Друзья, враги, родственники, гости – не имеет значения... Никто! Слишком интимный процесс. Почти как близость с женщиной... Это правило, выработанное несколькими поколениями космических казаков, спасает жизнь. Хотя не все способны понять его смысл сразу.

Я щелкнул пальцами, привлекая внимание бортового компьютера.

– Вышла ошибка. В сто миллионов километров. Мне неприятно.

– Навигатор руководствовался исходными данными лоции, – всхлипнул фальцетом компьютер. – Проведя триангуляцию по ближайшим светилам, я сам и вскрыл ошибку.

– Ты молодец, я тебя не виню.

– Надо покупать лицензионную лоцию, – назидательно посоветовал компьютер.

Тоже мне! Такие советы я и сам давать умею!

– Не дави на бас, Робертино Лоретти! Лицензионная лоция вставит прошивочный модуль с параметрами идентификационной матрицы корабля. Как я после этого буду заменять матрицы?

– Купи сразу десяток лицензионных лоций, и после выжигания старой матрицы всякий раз инсталлируй новую.

– Это все, что ты можешь посоветовать?

– А ты хочешь, чтобы я тебе посоветовал захватить магазин программного обеспечения с дюжиной заложников? И потребовать предоставления бесплатного доступа к обновлениям?

Он еще пытается иронизировать!

– Заткнись, Робертино! Будешь хамить, сменю настройки и сделаю Кобзоном!

– Сам же плевать станешь...

– Молчи и слушай. На борту «Фунта изюма» находится пассажир...

– Она сидит в гостиной перед камином и стрижет ногти на ногах. Хочет тебе понравиться.

– Заткнись!.. Я тоже хочу ей понравиться. Кстати, откуда у нее ножницы?

– Оставили супруги Вэнс.

– Ты же знаешь мое требование: оповещать меня о появлении оружия и колюще-режущих предметов в руках посторонних! Вдруг она ударит меня ножницами и причинит смертельную рану?

– Тогда сдохнешь, как паршивый пес! – Электронный болван был не лишен толики черного и притом препохабного юмора.

– Шутить ты научился у меня? Учись у меня хорошему, а плохому не учись! У меня нет чувства юмора, поэтому не копируй мою манеру шутить. Понял?

– Ты сделался многословен и сентиментален, – проговорил компьютер после секундного размышления. – Влюбился, что ли? Старый пень, вспомни, сколько тебе лет! Сколько ты перенес операций по омоложению и модификации тела! Она – молодая, красивая, кровь с молоком... А ты? Злой и вонючий!

Эта сволочь с процессором на парных биополимерных молекулах права каждым своим словом. Я смолчал. Эта сволочь почувствовала, что перегнула палку, почти ласково поинтересовалась:

– Скажи короче, что ты хочешь?

– Доберемся до Донской Степи, я тебя переформатирую. Поставлю «Русиш фантастиш – сорок пять» без функции голосового управления, – пообещал я. – А теперь слушай: госпоже Натс можно предоставить доступ к «Звездной лоции» и необходимые пояснения по пользованию справочным материалом. Разумеется, вся информация о корабле и его владельце должна остаться недоступной. Кроме того, разрешается доступ к бортовым ресурсам по продовольственному и медицинскому обеспечению. Если она захочет что-то покушать или полечить – помощи и подсказки. Разумеется, без права синтезировать суггестивные или наркотические препараты.

Бортовой компьютер принял поручение к исполнению.

Я связался с Лориварди Гнуком, владельцем Баунти.

Хозяин планеты оказался худым, высокорослым, полностью облысевшим мужчиной, чей скуластый череп сильно напоминал морду кистеперой рыбы. Облик господина Гнука имел в себе нечто крайне отталкивающе, но он, видимо, сам знал за собою это и потому всячески старался компенсировать демонстративной любезностью и предупредительностью. Выглядело сие несколько нарочито. Но тот случай, когда человека стоило принимать таким, каковым он казался.

Лориварди, узнав о моем желании прибыть на его планету уже через пять часов, предложил на выбор несколько точек посадки и пообещал прибыть на встречу «Фунта изюма».

Я оставил пост управления и спустился палубой ниже.

Натс возлежала на широком адаптивном диване, повторявшим все положения ее тела, и беседовала с бортовым компьютером по широкому кругу вопросов, связанных с ориентированием корабля в космосе. Поскольку компьютер был вынужден начать объяснения с основ векторной алгебры и кратким описанием полярных координат, я догадался, что с фундаментальными науками у моей новой знакомой не все благополучно. Интересно, надолго ли хватит ее любопытства, когда речь пойдет о тривиальной небесной механике?

Я присел на краешек дивана, и подушка живо приняла форму моих ягодич и поясницы.

– Натс, есть маленький разговор...

Она живо села, опустив ноги на пол.

– Через несколько часов корабль совершит посадку на планету, – продолжил я. – Она находится в частной собственности. И ее хозяина я совершенно не знаю.

– Существует какая-то угроза? – насторожилась Натс.

– Не думаю. Планета рекламируется как прекрасное место для наблюдения за звездным небом: прозрачная атмосфера, очень красивые виды на близкие и яркие галактики, ну и все такое. Бандитам такой промысел не интересен, на этом много не заработаешь. Но все же я бы попросил тебя не обнаруживать своего присутствия...

– В каком смысле?

– Не выходить из корабля, не связываться со мною по радиосвязи. Если я с хозяином планеты зайду внутрь корабля, то не покидай, пожалуйста, гостиную.

– А не может случиться так, что тебя похитят и заберутся в корабль во время твоего отсутствия?

По-детски наивный вопрос! Задан с обезоруживающей непосредственностью!

– Это технически невозможно. В современный корабль, где активирован бортовой компьютер, нельзя проникнуть втайне от хозяина. Также невозможно сделать это без его согласия.

– Но если действовать шантажом...

– Бортовой компьютер при принятии решений следует сложному алгоритму, который учитывает необходимость заблаговременного обнаружения попытки шантажа и противодействия таковой. Приставить разрядник к голове хозяина и потребовать отворить корабль – далеко не лучший способ, уж поверь мне.

– Но если преступники пожелают вырезать входной люк автогенном...

– Автогенном? – переспросил я; признаюсь, не сразу удалось вспомнить, что же именно означает это слово. – Автогенном невозможно вскрыть корпус межзвездного корабля. Куда проще угнать корабль, не имеющий хозяина, который стоит с неактивированным бортовым компьютером на приколе в магазине.

– Хорошо, Сэмми, пусть будет так, как ты скажешь, – кротко согласилась Натс.

– Спасибо, я рад, что ты меня поняла, – я направился к выходу.

Но она остановила меня неожиданной фразой:

– Я чувствую, что мешаю тебе, но не прогоняй меня. Я тебе еще пригожусь.

– Да, конечно, – улыбнулся я. – Поговорим об этом чуть позже.

Для посадки на Баунти я выбрал площадку, отстроенную на высоте шести километров над уровнем местного ординара. Согласно лоции, планета имела довольно плотную атмосферу, и на высоте около двух километров обычным делом являлся плотный облачный покров. Господин Гнук предусмотрительно построил несколько площадок в горах – это позволяло наблюдать звездное место прямо в местах посадок, не совершая дополнительных перелетов.

При посадочном маневрировании я заметил здание, похожее то ли на ограненный алмаз, то ли на сложную призму, удачно вписанное в громадную скалу, круто возвышавшуюся над ледником. Как я предположил, это была гостиница для туристов, пожелавших разместиться вне корабля. Кроме того, прозрачное строение являло собой отличную обсерваторию.

«Фунт изюма» имел прекрасное соотношение между мощностью посадочно-разгонных двигателей и стандартной массой. Он обладал громадным запасом мощи, был легко управляем и безопасен. Сели мы на Баунти безо всякого трепета и с первой же попытки – даже радиолуч наведения был не нужен.

Лориварди Гнук нас уже ждал. Еще до касания бетонной площадки он вышел на связь:

– Прекрасное маневрирование, господин Йопи-Допи! Чувствуется рука мастера: никакого рысканья, никакого тангажа, сразу в десятку! Выходя из корабля, наденьте теплые ного-ступы и не забудьте шапку-пидарку. За бортом замерзает вода.

Я не стал облачаться в одежду, купленную на Голубом Пепедуде, дабы ничто не указывало на мою связь с этой планетой, сунул ноги в старые боты из керамзитовой кожи и нацепил островерхую шапку из мохнатой чешуи полярного персефонского сома. Под длинный плащ-глушитель – традиционное сари из блестящего селенита, в рукавах – два мощных пистолета: термокинетический и пьезогасящий. Принимая во внимание полудюжину химических гранат с эффектом «принудительного мозжечкового спазма», подвешенных на специальных ложе-ментах под коленями, мой арсенал получился очень даже неплохим – мощным, грубым и в ближ-нем бою весьма убедительным.

В ярком свете посадочного прожектора грузовой лифт опустил меня на пандус. Справа и слева высились громады гор, плохо различимые в ночи, а бетонная площадка исчезала за гра-ницами светового круга. Примерно в трех километрах от нее можно было видеть освещенную стеклянную конструкцию – то самое замысловатое строение, что я заметил еще при посадке. От него в сторону бетонной площадки вела широкая дорога, изгибавшаяся прихотливой лен-той. На дороге я различил пару ярких огней – не иначе как Лориварди Гну к спешил позвать мне руку.

Погода оказалась отнюдь не столь холодной, как предостерегал хозяин планеты. Отсут-ствовал ветер. То ли атмосфера тут всегда отличалась удивительной тишиной, то ли место для постройки космодрома выбирал толковый специалист, знакомый с таким понятием, как роза ветров. Температура тихого, стоялого воздуха – всего лишь три градуса ниже нуля. При такой температуре все нормальные казаки ходят без головных уборов, перчаток и даже без трусов под комбинезонами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.